

ТЕНЬ
«ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДЫ»

Таинственные расследования Салли Локхарт

Филипп Пулман

Автор бестселлера «Золотой компас»

Филип Пулман
Тень «Полярной звезды»
Серия «Салли Локхарт», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121223
Тень «Полярной звезды» / Филип Пулман ; [пер. с англ. Е. Малыхиной].: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62947-3

Аннотация

Вы умеете ездить верхом и без промаха стрелять из пистолета? Разбираетесь в бухгалтерии, бизнесе и военной стратегии? Легко решаете логические задачи? Нет? Не печальтесь. В Англии XIX века таким редким набором знаний обладала только одна девушка... Позвольте представить вам мисс Салли Локхарт!

Когда Салли и ее друзья столкнулись с пугающей тайной компании «Полярная звезда», им поневоле пришлось стать детективами и расследовать зловещие убийства и международный заговор.

Цикл романов о Салли Локхарт принес писателю не меньшую славу, чем романы «Золотой компас», «Чудесный нож» и «Янтарный телескоп» из знаменитой трилогии «Темные начала».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Филип Пулман
Тень «Полярной звезды»

Philip Pullman
THE SHADOW IN THE NORTH

Глава первая

Неразгаданные тайны моря

Солнечным весенним утром 1878 года паровое судно «Ингрид Линде», гордость Англо-Балтийского пароходства, исчезло в Балтийском море.

На борту парохода был груз – детали машин, а также один-два пассажира, и направлялся он из Гамбурга в Ригу. Рейс проходил без каких-либо происшествий; пароход спустили со стапелей всего два года назад, он был хорошо оснащен и вполне пригоден для морских вояжей, погода стояла тихая.

В тот день, как «Ингрид» покинула Гамбург, ее видели со шхуны, шедшей в противоположном направлении. Они обменялись приветственными сигналами. В том же районе моря, двумя часами позже, ее должны были бы увидеть с парусника, если бы «Ингрид Линде» шла намеченным курсом. Но с парусника ее не увидели.

«Ингрид» исчезла так внезапно и так бесследно, что журналистам сразу почудилось что-то столь же лакомое, как затерянный континент Атлантиды, или «Мария Селеста»¹, или знаменитый «Летучий голландец». Они ухватились за тот факт, что на борту находились президент Англо-Балтийского пароходства с женой и дочерью, и заполнили газеты рассуждениями о том, что могло стать причиной первого морского путешествия малютки дочери; или о том, что дочь была отнюдь не малюткой, а молодой восемнадцатилетней леди, страдающей таинственной болезнью; что судно было проклято бывшим матросом; что груз состоял из смертельной смеси взрывчатых веществ и спирта; что в кабине капитана стоял идол, амулет из Конго, который он выкрал у одного африканского племени; что в этой части моря время от времени неожиданно возникает совершенно непредсказуемый гигантский водоворот, который увлекает корабли в чудовищную воронку к самому центру земли, – и так далее и тому подобное.

История эта получила широкую огласку. Время от времени ее вновь извлекали на свет писатели, специализировавшиеся на книжонках вроде «Кошмарных тайн морских глубин».

Но, не имея фактов, даже самые изобретательные журналисты в конце концов выдыхаются, в этом же случае фактов не было вовсе – просто шел пароход своим курсом, а минуту спустя он исчез, и не осталось ничего, кроме яркого солнца и пустынного моря.

Несколько месяцев спустя холодным утром в дверь офиса в финансовом сердце Лондона постучала старая леди. На двери офиса значилось: «С. Локхарт, консультант по финансовым вопросам». Голос – женский голос – произнес: «Войдите!» – и старая леди переступила порог.

С. Локхарт – буква «С» означала «Салли» – встала из-за заваленного бумагами письменного стола; это была на редкость привлекательная молодая особа лет двадцати двух, блондинка с глубокими карими глазами. Старая дама шагнула вперед, но тут же неуверенно остановилась: перед камином, где пылали угли, стояла самая крупная собака из всех, каких она когда-либо видела, – черная как ночь и, судя по ее виду, помесь ищейки, датского дога и оборотня.

– Чака, сидеть, – сказала Салли Локхарт, и гигантский зверь мирно сел. Даже теперь его голова была на уровне ее талии, – Мисс Уолш, не так ли? Как поживаете?

Старая леди пожала протянутую ей руку.

¹ «Корабль-призрак» – судно, таинственно исчезнувшее в Бермудском треугольнике в 1872 г., позднее обнаружено дрейфующим, без экипажа. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Похвастаться, увы, нечем, – сказала она.

– О, мне очень жаль, – сказала Салли, – Прошу вас, присядьте.

Она освободила кресло от бумаг, и они сели по обе стороны камина. Собака легла и опустила голову на вытянутые лапы.

– Если не ошибаюсь... сию минуту достану ваше досье... я помогла вам в прошлом году инвестировать некоторые суммы, – сказала Салли, – У вас было три тысячи фунтов, не так ли? И я посоветовала вам вложить их в паровозную компанию.

– Лучше бы вы этого не делали, – сказала мисс Уолш, – По вашей рекомендации я купила акции в компании «Англо-Балт». Вы, может быть, помните.

Салли широко раскрыла глаза. Мисс Уолш, которая до выхода на пенсию обучала географии сотни девочек и была весьма проницательна, прекрасно знала это выражение глаз; оно означало одно: человек, сделавший грубую ошибку, только что осознал это и готов смотреть правде в лицо со всеми ее последствиями, не собираясь упорствовать.

– «Ингрид Линде», – сказала Салли, – Ну конечно... то самое судно, которое затонуло, верно? Помню, я читала об этом в «Таймс»... О, дорогая моя...

Она встала и достала с полки за ее спиной большую газетную подшивку. Пока она листала ее, мисс Уолш, сложив руки на коленях, оглядывала помещение. Комната была аккуратная и чистая, хотя мебель не новая и ковер на полу потертый. В камине весело горел огонь, рядом посвистывал металлический чайник; книги и папки на полках и карта Европы, прищипленная на стене, придавали помещению деловой вид.

Что же до мисс Локхарт, то выглядела она расстроенной. Девушка откинула белокурую прядь за ухо и села, положив на колени открытую подшивку.

– «Англо-Балт» обанкротился, – сказала она, – Но как же я не обратила внимания... Что с ними случилось?

– Вы упомянули «Ингрид Линде». Говорилось еще об одном судне... это была шхуна, не паровоз, – она тоже пропала. А третье судно конфисковали российские власти в Санкт-Петербурге, почему – не знаю, но компании пришлось уплатить огромный штраф, чтобы вызвать ее... О, там было много всего. Когда вы посоветовали мне приобрести их акции, фирма процветала. Я была в восторге от вашего совета. А через год все пошло прахом.

– Компания перешла в другие руки, понимаю. Я читаю об этом впервые. Такого рода информацию я непременно вырезаю, чтобы она была под рукой для справок, но не всегда хватает времени прочитать все. Компания не была застрахована на случай потери своих судов?

– Там были некоторые сложности. «Ллойд» отказался платить – деталей я не поняла. Это было такое ужасное невезение, и все так внезапно, что я уже почти поверила в проклятие. В злой рок.

Старая леди неотрывно смотрела на огонь, сидя безукоризненно прямо в потертом кресле. Наконец она опять посмотрела на Салли.

– Разумеется, я знаю, все эти проклятия абсолютная чепуха, – продолжала она более оживленно. – Если молния попала в тебя сегодня, это не значит, что она не попадет в тебя завтра; я хорошо знакома со статистикой. Но очень трудно сохранять ясную голову, когда теряешь деньги и не видишь, в чем причина и как этого избежать. У меня теперь нет ничего, кроме скудной годовой ренты. Те три тысячи фунтов – наследство после моего брата и все мои накопления... за всю мою жизнь.

Салли открыла рот, собираясь заговорить, но мисс Уолш подняла руку и продолжала:

– А теперь, мисс Локхарт, поймите, пожалуйста: я не виню вас. Коль скоро я решила спекулировать своими деньгами, то должна сознавать, что рискую потерять их. А «Англо-Балт» в то время представлялся отличной инвестицией. Я пришла к вам по рекомендации мистера Темпла, адвоката из «Линкольнз-Инн», пришла именно к вам первой, потому что

вопрос эмансипации женщин – интерес всей моей жизни, и для меня нет ничего приятнее, чем видеть молодую леди, как вы, которая зарабатывает на жизнь так по-деловому. По этой же причине я пришла к вам снова, чтобы посоветоваться: могу ли я что-то сделать, чтобы вернуть мои деньги? Видите ли, я очень подозреваю, что это не просто невезение; это мошенничество.

Салли опустила папку с вырезками на пол и придвинула к себе карандаш и блокнот.

– Расскажите мне все, что вам известно об этой фирме, – сказала она.

Мисс Уолш стала рассказывать. Голова у нее была ясная, и факты она излагала четко. Их было не много; живя в Кройдоне и никак не связанная с миром бизнеса, она вынуждена была опираться на то, что ей удавалось вычитать из газет.

«Англо-Балт» был основан двадцать лет назад, напомнила она Салли, для торговли лесоматериалами. Доходы росли скромно, но неуклонно, фирма поставляла из балтийских портов не только лес, но и меха, железную руду, а из Британии – различные станки и другие промышленные изделия.

Два года назад, после жестких споров, фирма, как полагала мисс Уолш, была прибрана к рукам или выкуплена одним из партнеров – могло такое случиться? Она, конечно, не уверена... Фирма устремилась вперед, как локомотив, когда отпущены тормоза; были заказаны новые суда, заключены новые контракты, согласованы расписания по Северной Атлантике. Доходы компании при новом руководстве в первый год заметно возросли, что и побудило мисс Уолш – как и сотни других – вложить в нее свои деньги.

И тут «Англо-Балт» постиг первый, казалось бы, случайный удар, который, однако, в самое короткое время привел компанию к ликвидации. Обо всем этом мисс Уолш знала в деталях, и Салли была вновь поражена тем, как старая леди владеет фактами и собой, хотя явно находилась сейчас на грани нищеты, тогда как еще недавно надеялась, уйдя на покой, прожить оставшиеся годы со скромным комфортом.

Когда рассказ подходил к концу, мисс Уолш упомянула имя Акселя Беллмана, и Салли вскинула голову.

– Беллман? – переспросила она. – Спичечные фабрики?

– Я не знаю, чем он занимается еще, – сказала мисс Уолш, – Он не особенно связан с компанией; мне просто случилось увидеть его имя в газетной статье. По-моему, ему принадлежал груз на борту «Ингрид Линде», когда она затонула... А почему вы спрашиваете? Вы что-то о нем знаете? Кто он такой?

– Самый богатый человек в Европе, – ответила Салли.

Мисс Уолш помолчала.

– Спички «Люцифер», – наконец вспомнила она, – С фосфором.

– Вы правы. Кажется, он составил состояние именно на торговле спичками... Хотя вокруг этого был какой-то скандал, сейчас я припоминаю; год назад, когда он впервые появился в Лондоне, ходили разные слухи. Шведское правительство закрыло его фабрики из-за опасных условий труда...

– У девушек обнаружился некроз челюстей, – сказала мисс Уолш, – Я читала о них. Бедняжки. Существуют страшные способы делать деньги. Выходит, и мои деньги пошли на это?

– Насколько мне известно, мистер Беллман какое-то время уже не занимается спичечным бизнесом. И в конце концов, о его связях с Англо-Балтийской компанией мы ничего не знаем. Ну что ж, мисс Уолш, я вам очень благодарна. И не могу передать, как огорчена. Я намерена получить эти деньги назад...

– Сейчас не надо так говорить, – сказала мисс Уолш тем тоном, каким, вероятно, давала отповедь легкомысленным девицам, воображавшим, будто можно сдать экзамены, не потрудившись как следует, – Обещания мне не нужны, мне нужно *знать*.

Весьма сомневаюсь, что я когда-либо увижу мои деньги, но меня интересует, куда они делись, и я прошу вас выяснить это для меня.

Голос ее был так суров, что девочки, должно быть, дрожали от страха. Но не такова была Салли (потому-то мисс Уолш и обратилась в первую очередь к ней), она горячо возразила:

– Когда человек приходит ко мне и просит посоветовать, как ему распорядиться его деньгами, я не могу допустить, чтобы из-за меня он потерял их. И я не желаю, чтобы меня щадили, если такое все же случится. Для меня это удар, мисс Уолш, такой же, как для вас. Это ваши деньги, но это и мое имя, моя репутация, мой образ жизни... Я намерена покопаться в делах «Англо-Балта» и понять, что же все-таки там случилось... И если это в человеческих силах, я разыщу ваши деньги и верну их вам. И я очень сомневаюсь, что вы откажетесь принять их.

В молчании старой леди была благодарность, но глаза метали молнии; однако Салли оставалась твердой и пристально смотрела ей в лицо. Через секунду-другую взгляд мисс Уолш потеплел, и она, сцепив пальцы, проговорила:

– Ну что же, это тоже неплохо.

Обе улыбнулись.

Напряженная атмосфера, возникшая было в комнате, улетучилась, и Салли встала, чтобы убрать свои записи.

– Надеюсь, вы не откажетесь от чашечки кофе? – спросила она, – Способ приготовления довольно примитивный, на открытом огне, но получается вкусно.

– Я очень люблю такой кофе. Когда мы были студентами, то всегда готовили его именно так. Могу я помочь вам?

Не прошло и пяти минут, как они беседовали, словно старые друзья. Собаку разбудили, чтобы она освободила подход к очагу, кофе был приготовлен и разлит по чашкам, и обе, Салли и мисс Уолш, испытывали чувство товарищества, какое ведомо лишь тем женщинам, которые вынуждены были бороться за право получить образование. Мисс Уолш преподавала в университетском колледже Северного Лондона, но степени бакалавра так и не получила; не получила ее и Салли, по той же причине, хотя она училась в Кембридже и хорошо сдала все экзамены. Университет позволил женщинам учиться, вот только степени им не присуждал.

Впрочем, Салли и мисс Уолш сошлись на том, что и этому придет время... хотя трудно сказать когда.

Мисс Уолш встала, собираясь уйти; Салли заметила все: ее аккуратно заштопанные перчатки, потертые борты пальто и начищенные до блеска старенькие туфли, давно уже нуждавшиеся в новых подметках. Мисс Уолш потеряла больше, чем деньги, – она потеряла шанс жить в скромном достатке, не тревожась о том, что доживать свой век придется, полагаясь на чью-то помощь. Салли смотрела на нее, видела, как твердо и прямо, с каким достоинством держится старая леди, несмотря на возраст и тревогу, и вдруг обнаружила, что и сама как-то подтянулась и выпрямилась.

Они обменялись рукопожатием, и мисс Уолш повернулась к собаке, которая приподнялась и села, выжидательно глядя на вставшую Салли.

– Какой необыкновенный зверь, – сказала мисс Уолш, – Кажется, вы называете его Чака?

– Чака – это имя одного зулусского генерала, – пояснила Салли, – Мне показалось, оно подходит. Я получила Чаку в подарок... верно, мой мальчик? Думаю, он родился в цирке.

Она ласково почесала уши громадного пса; он повернул голову и лизнул ей руку, буквально обернув ее своим языком; в его глазах было обожание.

Мисс Уолш улыбнулась.

– Я перешлю вам все документы, какие мне удалось собрать, – сказала она, – От души благодарна вам, мисс Локхарт.

– Я ничего еще не сделала, кроме того, что потеряла ваши деньги, – сказала Салли, – И как знать, может оказаться, что случилось только то, что случилось, – обычное банкротство, такое ведь тоже бывает. Но я постараюсь в этом разобраться.

Прошлое Салли было необычно даже для человека, жившего столь необычной жизнью, как она. Она никогда не знала своей матери, а отец (человек военный) учил ее в основном разбираться в огнестрельном оружии и в финансовом деле и совсем чуть-чуть уделял внимание всему остальному. Когда ей было шестнадцать лет, его убили, и она запуталась в паутине опасностей и тайн. Ее спасло только умение обращаться с оружием, а также случайная встреча с молодым фотографом по имени Фредерик Гарланд.

Вместе со своей сестрой Фредерик управлял фотомастерской их дяди, но, талантливо работая с камерой, он был совершенно не способен заниматься финансовой стороной дела. Их дело было на грани полного краха, когда появилась Салли – одинокая юная девушка, над которой нависла смертельная опасность. В благодарность за их помощь она взяла управление делами мастерской на себя, и ее навыки и умение вести бухгалтерские книги, должным образом проверять счета спасли фирму от банкротства.

Дело процветало. Теперь у них работало полдюжины помощников, и Фредерик мог заняться тем, что интересовало его более всего, – частным сыском. В этом ему помогал Джим Тейлор, старый приятель Салли, ранее служивший мальчишкой на побегушках в фирме ее отца; Джим обожал популярные романы определенного сорта, какие печатались в дешевом журнальчике «Негодяйка Пенни», и слыл в Сити редкостным сквернословом. Он был на два-три года моложе Салли. Во время первого их «дела» он и Фредерик схватились с самым опасным головорезом в Лондоне и убили его. В этой схватке оба они чудом остались живы, но оба знали с тех пор, что могут положиться друг на друга даже под угрозой смерти.

Трое молодых людей – Салли, Фред и Джим – во всем были на равных. Фредерику хотелось бы большего. Чего он, впрочем, и не скрывал: он любил Салли, любил всегда, он хотел жениться на ней.

Ее чувства были сложнее. Временами она признавалась себе, что обожает его, что на свете нет никого обворожительнее, талантливее, храбрее, забавнее его; иногда же приходила в ярость, считая, что он тратит свои таланты впустую, вечно возится с какими-то механизмами либо, переодевшись, рыскает с Джимом по улицам Лондона, а то и вообще ведет себя как мальчишка, не зная, чем себя занять. Что же до любви... Если кого-то она точно любила, то это был дядюшка Фреда, Вебстер Гарланд, ее формальный партнер по фотобизнесу, не слишком опрятный добряк и истинный гений, способный создать высокую поэзию из света и тени, показать ее в выражении человеческих лиц. Вебстер Гарланд и Чака – да, их она любила. И любила свою работу.

Фред?.. Что ж, ни за кого другого она замуж не выйдет. Но и за него не выйдет тоже. Пока не вступит в силу Билль о собственности замужних женщин.

Это вовсе не значило, что она ему не доверяла; нет, она сотни раз говорила, что это дело принципа: допустим, однажды она станет совершенно независимой, партнером в каком-то другом бизнесе, с собственным капиталом, имуществом; но как только священник объявит их мужем и женой, все, до последней мелочи, ей принадлежавшее становится (в глазах закона) собственностью ее мужа – это же совершенно нетерпимо! Фредерик протестовал, предлагал заключить официальное соглашение, клялся, что никогда не коснулся бы ее собственности, просил, умолял, приходил в бешенство, швырял все, что подворачивалось под руку, а потом смеялся над собой и над ней – все было напрасно. Она оставалась непоколебима.

В действительности все было не так просто, как изображала она. Билль о собственности замужних женщин был принят в 1870 году, он устранил ряд несправедливостей, однако не коснулся наиболее существенных из них; но Фредерик ничего не знал об этом законе, не знал, что собственность Салли, при определенных условиях, могла официально оставаться за ней. Однако Салли, не будучи уверена в собственных чувствах, крепко держалась за свой *принцип* и скорее боялась, что новый билль пройдет, ибо это заставило бы ее принять наконец то или иное решение.

Недавно дело кончилось ссорой, они словно охладели друг к другу, неделями не встречались и не разговаривали. И тут Салли с удивлением обнаружила, как остро не хватает ей Фреда. Именно он был тем человеком, с которым следовало бы обсудить всю эту историю с «Англо-Балтом»...

Она убрала со стола кофейные чашки и, раздраженно гремя ими, думала о его дерзком живом нраве, о его соломенных волосах... Нет, пусть придет к ней первым; ей-то надо заниматься настоящим делом.

Тряхнув головой, она села за стол, открыла папку с вырезками и начала читать об Акселе Веллмане.

Глава вторая

Шотландский волшебник

Приятель Салли Джим Тейлор (когда не был занят укреплением своих знакомств в криминальном мире, или не играл на скачках, или не флиртовал с хористками и молоденькими барменшами) немало времени отдавал сочинению мелодрам. У него была страсть к сцене. Роза, сестра Фредерика (недавно она вышла замуж за весьма уважаемого священника), была актрисой, когда они встретились впервые; она-то и распалила в нем интерес к этому, уже и так горевший ярким пламенем благодаря его многолетней преданности дешевым журнальчикам, как, например, «Волнующие истории для британских парней» и «Попрыгунчик Джек, гроза Лондона». Он написал с тех пор несколько пьес, от которых кровь стыла в жилах, и, не желая тратить свой гений на второсортные труппы, отправил их прямо в театр «Лицеум» на рассмотрение великого Генри Ирвинга². Правда, с тех пор он не получил отсюда ничего, кроме вежливого уведомления о получении.

Он проводил вечера в мюзик-холле, не среди публики, а там, где было интереснее всего, – за кулисами, среди плотников, рабочих сцены и осветителей, не говоря уж об артистах и хористках. Он работал в нескольких театрах, постоянно учился и в тот вечер, когда мисс Уолш посетила Салли, выполнял всевозможные работы за кулисами мюзик-холла «Британия» в Пентонвилле.

Именно там и случилась с ним самая таинственная история.

Одним из артистов, значившихся в программе, был фокусник Алистер Макиннон – молодой человек, который, едва появившись на лондонской сцене, мгновенно приобрел громкую славу. Среди прочих своих обязанностей Джим должен был вызывать артистов из гримерных незадолго до их выхода на сцену; он постучал в дверь Макиннона и крикнул: «Пять минут, мистер Макиннон!» – но, к его удивлению, ответа не услышал.

Он постучал еще раз, погромче. Опять никто не ответил. Зная, что ни один артист, если это в человеческих силах, не оставит вызов без внимания, Джим открыл дверь, чтобы проверить, у себя ли Макиннон.

Он был там: в вечернем костюме и гриме – набеленное лицо, угольно-черные глаза. Он сидел перед зеркалом, обеими руками вцепившись в подлокотники деревянного кресла. Рядом с ним стояли двое мужчин, оба также в вечерних костюмах; один был невысокий, добродушного вида, в очках, другой – крепко скроенный верзила, поспешивший, когда Джим заглянул в комнату, спрятать за спину короткую трость, налитую свинцом. Он забыл о зеркале: Джим прекрасно видел ее.

– Пять минут, мистер Макиннон, – повторил Джим еще раз; его мозг работал с бешеной скоростью. – Я подумал, может быть, вы не услышали.

– Все в порядке, Джим, – сказал маг. – Оставь нас, пожалуйста.

Небрежно окинув взглядом незнакомцев, Джим кивнул и вышел.

«Что же мне теперь делать?» – лихорадочно думал он.

Большая группа рабочих сцены молча стояла наготове, ожидая конца номера, чтобы сразу же сменить декорации. Над ними на колосниках осветители ждали своего «выхода»: по сигналу они должны были менять цветные желатиновые пластины перед газовыми светильниками или поворачивать горелки вверх либо вниз в зависимости от того, как ярко требова-

² Генри Ирвинг (1838–1905) – известный английский актер и режиссер, долгое время руководивший лондонским театром «Лицеум».

лось осветить сцену. За кулисами собралось и еще несколько актеров в ожидании номера Макиннона: он был феноменом в своем жанре, и они хотели видеть его выступление. Джим пробрался сквозь тьму и полумрак, пока близилась к концу ария сопрано, завершавшаяся хором, и встал на свое место сбоку, у занавеса, возле огромного железного колеса.

Он стоял там, легкий и сосредоточенный, – светлые волосы откинута со лба назад, в зеленых глазах напряженность, пальцы негромко барабоят по колесу – и вдруг совсем рядом услышал шепот.

– Джим, – прошелестел из темноты голос Макиннона, – ты можешь помочь мне?

Обернувшись, Джим увидел мага, вернее, его обведенные черным глаза на неясно проступавшем из мрака белом лице.

– Видишь тех двоих? – Макиннон через просцениум указал на ложу, где Джим разглядел две фигуры и уловил отблеск очков коротышки, – Они пришли, чтобы убить меня. Ради бога, помоги мне после моего выступления выбраться отсюда сразу же, как только упадет занавес. Я не знаю, что мне делать...

– Тсс! – прошипел Джим, – И отступите в тень. Они смотрят сюда.

Певица допела песенку, флейта в ансамбле издала сочувственную трель, публика разразилась аплодисментами и свистом. Джим обеими руками взялся за колесо.

– Ладно, – сказал он, – я вас отсюда выведу. Сейчас покажу...

Он завертел колесо, и занавес опустился.

– Выйдете со сцены вот сюда, а не с той стороны, – проговорил он сквозь шум аплодисментов и грохот ворот. – Вам что-нибудь нужно взять из гримерной?

Макиннон покачал головой. Как только занавес коснулся пола, со светильников тотчас убрали цветные желатиновые пластины, сцену залило белым светом, рисованный задник, изображавший модную гостиную, был поднят вверх; на колосниках засуетились рабочие сцены, развернули огромный бархатный экран, скрепили его сзади и подняли на подмости изящный столик, казавшийся странно тяжелым для своих размеров; тут же раскатали широкий турецкий ковер. Джим подался вперед, чтобы выровнять край ковра; одной рукой он держал бархатный экран, а другой регулировал противовес позади него. Весь процесс занял не больше пятнадцати секунд.

Режиссер дал сигнал осветителям, они вставили новые желатины в металлические рамки, одновременно убавив газ в горелках, и свет на сцене стал таинственно-розовым. Джим одним прыжком вернулся к колесу; когда конференсье заканчивал вступление, Макиннон уже занял свое место между кулисами в ожидании выхода и дирижер в оркестровой яме вскинул палочку.

Бравурный музыкальный пассаж, гром аплодисментов, и Джим завертел колесо; занавес взвился вверх. Макиннон вышел на сцену – теперь это был другой человек. Публика замерла; маг начал свое действие.

Джим на секунду задержался, глядя на него и, как всегда, изумляясь тому, как эта фигура, столь неприметная и слабая в реальной жизни, на сцене внезапно преобразалась и становилась могущественной. Его голос, глаза, каждое движение олицетворяли власть и таинственную силу; совсем нетрудно было поверить, что он повелевает целым воинством невидимых духов, что его трюки и преобразования – дело рук демонов... Джим видел Макиннона десятки раз и с незименным восхищением следил за его работой. Неохотно оторвавшись от зрелища, он юркнул вниз, под сцену.

Это был кратчайший способ выйти с другой ее стороны. Совершенно бесшумно Джим прокладывал себе путь среди балок, веревок, коварных ловушек, переплетения труб и оказался где нужно как раз в тот момент, когда грянули аплодисменты.

Он стряхнул с себя пыль и через маленькую дверцу проник в зрительный зал, а оттуда, через другую дверь, выскользнул на лестницу. Быстро поднявшись к ложам, он мгновенно

отступил в тень: перед дверью в ложу, из которой уже ушли те двое, преследователи Макиннона, стоял третий – грубый детина, похожий на боксера, явно оставленный там сторожем.

Джим подумал немного и решительно зашагал по освещенному газовыми светильниками, отделанному позолотой и потертым плюшем коридору; подойдя к ложе, он знаком показал, чтобы верзила приблизился. Тот нахмурился, но подчинился и подставил ухо.

– Нам сообщили, что у Макиннона тут есть приятели, – зашептал Джим, – Они постараются тайком вывести его. Сейчас в любой момент может последовать трюк – он исчезнет, затем проберется под сценой и выйдет позади публики, а там дружки посадят его в кеб, и поминай как звали. Так что побыстрее спуститесь на улицу и стойте у парадной двери, а я проникну внутрь и скажу боссу.

Просто поразительно, как легко сладить с таким куском мяса, думал Джим: верзила молча кивнул и неуклюже затопал прочь. Джим повернулся к двери. Это было рискованно: кто-нибудь мог объявиться в любую минуту. Но ничего иного он сделать не мог. Он достал из кармана моток жесткой проволоки, наклонился к замочной скважине, просунул в нее проволоку и стал ее поворачивать, проталкивать взад-вперед, пока не почувствовал, как что-то там сдвинулось; он вытащил проволоку, согнул ее аккуратнее, просунул еще раз, и, под прикрытием аплодисментов, замок неслышно защелкнулся.

Он выпрямился как раз вовремя: в коридоре появился администратор.

– Что ты здесь делаешь, Тейлор? – спросил он.

– Записка для джентльменов в ложе, – сказал Джим, – И все в порядке, я уже бегу за кулисы.

– Это не твое дело носить записки.

– Как же не мое, если меня попросил мистер Макиннон!

С этими словами Джим повернулся и бросился вниз по лестнице, проскользнул в обитую сукном дверь... Сколько еще осталось Макиннону до конца его представления? Примерно пять минут, вычислил Джим; пора поглядеть, что там снаружи.

Не обращая внимания на проклятия и наставления получше следить за своими чертовыми лапами, он пробрался сквозь сгрудившихся рабочих сцены и актеров и оказался у служебного входа.

Дверь выходила в аллею, вернее тупик, позади театра; напротив тянулась задняя стена мебельного склада, и выход отсюда был только в одну сторону.

Там, опершись о стену, стояли двое. Когда дверь открылась, оба вскинули головы и шагнули на мостовую.

– Па-аклоннички, значит, – дружелюбно сказал Джим, – Чертова жарница внутри. Небось мисс Хопкирк дожидаетесь, госсда?

Почитатели мисс Хопкирк – сопрано – часто поджидали ее у служебного входа с цветами, или с предложениями, или с тем и другим вместе.

– Тебе-то какое дело? – рыкнул один из них.

– Да так, всегда готов помочь, – отозвался Джим безмятежно.

– Когда кончится представление? – спросил другой.

– Теперь уж с минуты на минуту. Пожалуй, мне лучше вернуться. Пока, – сказал Джим и закрыл за собой дверь.

Он потер подбородок; если задний выход заблокирован, а парадный рискован, остается только один путь – также рискованный. Впрочем, приключение, пожалуй, будет забавным. Он быстро обежал всю закулисную часть сцены, пока не обнаружил четверых рабочих, которые, сдвинув головы вокруг маленького пятнышка света, играли в карты на перевернутом коробе из-под чая.

– Эй, Гарольд, – позвал он, – Не возражаешь, если я воспользуюсь твоей стремянкой?

– Зачем тебе? – спросил старший из картежников, не отрывая глаз от своей руки.

– Охота за птичьими гнездами.

– А? – Гарольд поднял голову, – Надеюсь, принесешь обратно-то?

– Да тут, понимаешь, проблема. Сколько ты выиграл по моей подсказке на прошлой неделе?

Ворча себе под нос, Гарольд отложил карты и встал.

– Куда ты с ней собрался? Мне она понадобится через десять минут, как только кончится программа.

– Вверх собрался, на колосники, – ответил Джим, увлекая его за собой и попутно объясняя, что ему нужно.

Через плечо Гарольда он глянул на сцену: номер Макиннона близился к концу. Рабочий, почесав в затылке, взял стремянку через плечо и по приставной лестнице полез вверх, в темноту, а Джим кинулся к колесу, и как раз вовремя.

Бравурный финал оркестра, буря аплодисментов, поклон, и занавес опустился. Оставив в полном хаосе разнообразные предметы, появившиеся на сцене, – сфинкса, чашу с золотыми рыбками, дюжины букетов, – Макиннон одним прыжком оказался за кулисами; Джим тотчас схватил его за руку и потащил к приставной лестнице.

– Полезайте наверх! Скорее, – прошептал он, – У главного и заднего подъездов вас поджидают дюжие парни, но здесь им нас не поймать. Да лезьте же!

Макиннон опять преобразился; оказавшись в полутьме кулис, он вновь выглядел неприметным и, в своем белом гриме, чудаковатым и жалким.

– Я не могу, – шепнул он.

– Не можете – что?

– Я не могу туда подняться. Для меня высота...

Он озирался, дрожа всем телом. Джим нетерпеливо подтолкнул его к лестнице.

– Подымайтесь, и, ради бога, хватит дурить. Наши парни снуют здесь вверх и вниз по сто раз в день. Или желаете выйти на улицу и попытать счастья с парочкой головорезов, которых я только что видел там, на аллее?

Макиннон слабо покачал головой и стал взбираться по лестнице. Джим задернул край бокового занавеса так, что теперь их никому не было видно, – он не хотел, чтобы рабочие сцены, не посвященные в происходящее, заметили, куда скрылся Макиннон. Джим взлетел по лесенке вслед за ним, и они вышли на узкую, обнесенную перилами платформу, протянувшуюся над колосниками через всю сцену, туда, где осветители гасили газовые горелки и вынимали из рамок желатиновые заслонки. Страшная жара, столь же одуряющий запах горячего металла, пота газовщиков и шлихты холщовых задников – все это ударило в нос и вышибало слезы из глаз.

Но они не мешкали. Еще одна короткая лесенка вела к раскачивавшемуся железному помосту, подвешенному с помощью блоков и канатов. Сам помост был форменной жаровней, сквозь просветы видна была вся сцена внизу, где плотники передвигали боковые кулисы и задники, готовя сцену для мелодрамы, которую должны были играть на следующий день. Здесь, наверху, было темно, так как все светильники были направлены вниз, но так же жарко. Канаты, одни туго натянутые, другие болтающиеся свободно, связки балок – противовесов для спускаемых и поднимаемых декораций, – и сознание, что впереди еще и еще помосты на разных уровнях, туннель, и свод, уходящий во тьму, и зияющие бездны внизу, где закопченные фигуры колдуют с огнем, – все это напомнило Джиму картину «Ад», которую он видел однажды в витрине магазина гравюр и эстампов.

Макиннона мутило, он обеими руками вцепился в перила.

– Я не могу! – стонал он, – О господи, дайте мне сойти вниз!

Теперь в его речи явно угадывался шотландский акцент, аристократической манерности как не бывало.

– Не будьте тряпкой, – сказал Джим, – Вы не упадете. Осталось пройти еще немного. Вперед!..

Спотыкаясь, как слепой, Макиннот зашагал дальше, подгоняемый Джимом. В конце дорожки поджидавший их со стремянкой Гарольд, рабочий сцены, протянул руку, чтобы помочь волшебнику. Макиннот крепко вцепился в нее обеими руками.

– Все в порядке, – пробурчал Гарольд, – Я вас держу, сэ. Во-во, а теперь беритесь-ка за это...

Он притянул руки Макиннота к стремянке.

– Нет! Вверх ни за что! С меня хватит! Я не могу... не в состоянии...

– Заткнитесь, – сказал Джим, услышав, что внизу какая-то суматоха. Он глянул вниз через перила, но увидел лишь раскачивающийся занавес и канаты, – Слушайте...

Голоса снизу становились все громче, хотя разобрать слова они не могли.

– У нас фора всего в две минуты, прежде чем они сообразят, как подняться сюда. Поддержи-ка его, Гарольд.

Джим взлетел на стремянку, вытянув руку повыше, нашарил в темноте небольшое оконце в пыльной кирпичной стене. Открыв его, он опять соскользнул вниз и подтолкнул Макиннота к стремянке. Честно говоря, задача была довольно рискованная; помост оканчивался на некотором расстоянии от стены, лестница перекрывала его, но, чтобы дотянуться до окна, нужно было оторвать от нее руки, в темноте нашарить проем и уцепиться за него. Если же сорвешься... Но тут снизу послышался топот. Кто-то взбирался по первой лестнице.

– Вперед, – сказал Джим, – Не стойте там, оплакивая себя. Живо вперед и вылезайте вон в то окно. Ну, пошевеливайтесь!

Макиннот услышал шум внизу и поставил ногу на перекладину стремянки.

– Спасибо, Гарольд, – сказал Джим, – Хочешь еще одну подсказку? Бель Карниваль на гандикапе принца Уэльского.

– Бель Карниваль, э? Надеюсь, мне повезет больше, чем давеча, – проворчал Гарольд, крепко держа стремянку.

Джим с другой стороны ухватился за лестницу, поддерживая дрожавшего как осиновый лист Макиннота.

– Вперед, скорее же, черт возьми!

Макиннот, с трудом переставляя ноги, стал подниматься по стремянке. Джим, потирая, поднимался следом, почти вплотную. Когда они были уже наверху, Джим почувствовал, что Макиннот оседает назад, не в силах двигаться дальше, и прошипел ему в ухо:

– Они уже близко! Теперь они знают, где мы! Пять здоровенных парней с ножами и свинчатками! А теперь тянитесь вверх, пока не нащупаете окошко, и вылезайте через него. Оттуда до соседней крыши вниз меньше метра, это же совсем рядом. Ну, обеими руками... так, так, давайте!., а теперь – бросок!

Ноги Макиннота оторвались от стремянки и задергались в воздухе, едва не отправив Джима к праотцам; однако секундой позже отчаянно вихлявшиеся ноги исчезли из виду и Джим понял, что Макиннот пролез в окно.

– Все в порядке, Гарольд? – негромко спросил он, – Ну, я полез.

– Потирайся! – послышался снизу хриплый шепот.

Джим, прижавшись к стене, искал руками окно, нащупал подоконник и подтянулся. Еще секунда-другая – и он уже был снаружи. Спрыгнув на плоскую, крытую свинцом, холодную и мокрую крышу, он оказался наконец под открытым небом.

Макиннот был рядом, в полуобморочном состоянии.

Джим осторожно встал и сделал несколько шагов в сторону. Они оказались в небольшом желобе для стока воды между стеной театра, шагах в семи от края крыши, и покатою, с трехгранными выступами, крышей укусной фабрики. Ряды этих трехгранников, напоми-

навших морские волны, нарисованные ребенком, протянулись метров на двадцать; мокрые от дождя, они поблескивали под тусклым светом низко нависшего неба.

– Ну что, теперь лучше? – спросил Джим.

– Угу. Эта высота, знаете...

– А что, собственно, происходит? Кто они, эти парни?

– Того коротышку зовут Уиндлсхэм. Это сложная история... Тут замешано убийство.

У него был жуткий вид: известково-белое лицо с подведенными черным глазами и ртом, черный плащ, белая манишка: он выглядел обесцвеченным и потусторонним. Джим пристально смотрел на него.

– Убийство? – переспросил он, – Чье убийство?

– Сможем мы отсюда спуститься? – спросил Макиннон.

Джим потер подбородок.

– На том конце крыши есть пожарная лестница, – сказал он, – Только не слишком шумите, там у них старикан один внутри, сторожит банки с маринадами.

Он взбежал по наклонной плоскости первой секции и бесшумно перепрыгнул на другую. Каждый трехгранник был полутора метров в высоту и скользкий от недавно прошедшего дождя; Макиннон то и дело скользил и дважды упал, пока они добрались наконец до пожарной лестницы.

«Чего ради я все это делаю?» – думал Джим, помогая Макиннону встать и каждый раз поражаясь его хрупкости. Макиннон весил не больше ребенка. Но что он там бормотал об убийстве? Маг был вне себя от страха, и не только из боязни высоты.

Узкая железная пожарная лестница крепилась болтами на стене фабрики. К счастью, стена эта выходила во двор, где было темно, и внутри фабрики с этой стороны все было спокойно. Весь трясаясь и потея, умирая от страха, Макиннон все-таки перебросил себя через край крыши, нащупал ногой первую перекладину и медленно, крепко зажмурясь, повернувшись к лестнице спиной, спустился вниз. Джим, спустившийся первым, взял его за руку.

– Бренди, – выговорил Макиннон невнятно.

– Не будьте хлюпиком, – сказал Джим, – В таком виде вы не можете зайти в паб – вы не продержитесь там и пяти минут. Где вы живете?

– Челси. Оукли-стрит.

– Деньги при вас есть?

– Ни пенни. О господи...

– Все в порядке, поедете со мной. Я отвезу вас туда, где вы сможете переодеться и выпить, там и поговорим об этом дельце с убийством. Первоклассная шутка, ничего не скажешь...

Макиннон, потерявший всякую волю и даже способность удивляться, никак не реагировал на то, что этот молодой зеленоглазый рабочий сцены в грубой одежде вывел его на улицу, подозвал кеб и с самым уверенным видом, какой только можно вообразить, приказал ехать в Блумсбери.

Глава третья Фотографы

Джим расплатился с извозчиком на Бёртон-стрит, неподалеку от Британского музея, где расположилось несколько четырехэтажных магазинов и жилых домов, и, пока Макиннон нервно озирался вокруг, отпер дверь опрятного магазина с двойной витриной, на стекле которой значилось: *ГАРЛАНД И ЛОКХАРТ. ФОТОГРАФИЯ*. Он провел Макиннона через темное помещение магазина в заднюю комнату, теплую и ярко освещенную.

Обстановка комнаты представляла собой странное сочетание лаборатории, кухни и запущенной, но уютной гостиной. Вдоль одной стены протянулась широкая полка, уставленная химикатами, в углу пристроилась раковина, потрепанные кресло и софа стояли по другую сторону почерневшей кухонной плиты. В воздухе стоял густой едкий дым.

Дым исходил в основном из короткой глиняной трубки, которую курил один из двух мужчин, находившихся в комнате. Это был высокий, крепко скроенный человек лет шестидесяти с жесткими седыми волосами и такого же цвета бородой. Когда вошел Джим, он поднял голову от стола.

– Привет, мистер Вебстер, – сказал Джим, – Мое почтение, Фред.

Второй мужчина был худощав и намного моложе, ему было лет двадцать пять, примерно столько же, сколько и Макиннону. Его сардонического склада лицо являло собой живую смесь остроумия и спокойного просвещенного ума. В его внешности, как и в Макинноне, тоже было что-то, привлекавшее к себе внимание, – то ли художественный беспорядок его светлых волос, то ли сломанный нос.

– Приветствую тебя, о, незнакомец, – проговорил он и осекся, – О, прошу прощения, вас я не заметил...

Эта фраза относилась к стоявшему в дверях Макиннону, похожему на привидение. Джим обернулся к нему.

– Мистер Вебстер Гарланд, мистер Фредерик Гарланд, художники-фотографы, – представил он своих друзей, – А это мистер Макиннон, Шотландский маг.

Хозяева встали и обменялись с гостем рукопожатиями. Вебстер оживился.

– Я видел ваше представление на прошлой неделе – изумительно! В «Альгамбре». Выпьете виски?

Макиннон сел в кресло, а Джим плюхнулся на стул возле длинной лавки. Пока Вебстер разливал виски, Джим коротко изложил суть дела:

– Нам пришлось выбираться через крышу. Дело в том, что мистер Макиннон вынужден был уходить второпях, поэтому он оставил в гримерной свой обычный костюм, не говоря уж о деньгах и всяких разных вещичках и штучках. Возможно, я сумею забрать их завтра утром, но сам он, насколько я понимаю, попал в хорошенькую переделку. Вот я и подумал: может быть, мы сумеем ему помочь.

Увидев на лице Макиннона сомнение, Фредерик сказал:

– Вы находитесь в детективном агентстве Гарланда, мистер Макиннон. Кое-какие задачки нам уже доводилось решать в свое время. В чем ваша проблема?

– Я не уверен... – заговорил Макиннон, – Не знаю, подходит ли этот случай для детективного агентства. Это... все это очень смутно, очень... туманно. Я, право, не знаю...

– В том, что мы выслушаем вашу историю, никакого вреда не будет, – сказал Джим, – Если мы не беремся за дело, о гонораре не может быть речи, так что вы ничего на том не потеряете.

Вебстер слегка поднял брови, уловив холодок в тоне Джима. А Джима давно уже раздражал Макиннон своими хитрыми увертками, отталкивающей комбинацией беспомощности и скрытности.

– Джим прав, мистер Макиннон, – сказал Фредерик, – Нет соглашения – нет гонорара. И вы можете смело довериться нашей скромности. Что бы вы нам здесь ни рассказали, все здесь и останется.

Макиннон несколько раз переводил глаза с Фредерика на Вебстера и обратно – и вдруг решился.

– Ну что ж, – сказал он, – Очень хорошо. Я вам расскажу, хотя и не уверен, стоит ли это расследовать. Наверное, самое лучшее было бы все оставить как есть, пусть угаснет само собой. Увидим.

Он допил свое виски, и Вебстер снова налил ему.

– Вы говорили об убийстве, – напомнил Джим.

– Я дойду до этого... Что вам известно о спиритизме, джентльмены?

Фредерик вскинул брови:

– Спиритизм? Забавно, что вы заговорили об этом. Один человек сегодня попросил меня приглядеться к одной компании спиритов. Мошенничество, я полагаю.

– Да, мошенничества здесь много, – согласился Макиннон. – Но есть люди, наделенные особым даром телепатии, и я один из них. И в моей профессии это помеха, что бы вы об этом ни думали. Я стараюсь, чтобы эти две вещи не соприкасались. То, что я делаю на сцене, выглядит магией, но в действительности это просто техника. И делать то же самое может кто угодно, стоит только попрактиковаться. Но с другой стороны... психическая сторона дела... это дар. То, что я делаю, это психометрия. Вам знаком этот термин?

– Да, я слышал его, – сказал Фредерик, – Вы берете какой-нибудь предмет и по нему можете рассказать о самых разных вещах, это верно?

– Я вам покажу, – сказал Макиннон, – Найдется у вас что-нибудь, с чем я мог бы попытаться это проделать?

Фредерик протянул руку через длинную полку, на которой сидел сам, и взял маленький круглый предмет из латуни, немного напоминавший тяжелые карманные часы без циферблата. Макиннон взял предмет, выпрямился в кресле и, держа его обеими руками, весь подался вперед, нахмурился и закрыл глаза.

– Я вижу... вижу драконов. Красные выгравированные драконы. И женщина... китаянка. Она сосредоточенна и очень спокойна, и она наблюдает, просто наблюдает... Еще там мужчина, он лежит на кровати или на каком-то ложе. Он спит. Вот кто-то входит. Слуга. Китаец. С... с трубкой. Он низко кланяется, почти до земли... берет огонек от лампы... Раскуривает трубку. Легкий запах, сладковатый... опиум. Ну вот, его больше нет, – Макиннон открыл глаза и посмотрел на присутствующих, – Это как-то связано с опиумом, – проговорил он, – Я прав?

Фредерик взъерошил пальцами волосы, слишком потрясенный, чтобы произнести хоть слово. Его дядя откинулся назад и засмеялся; даже Джим был поражен – не только атмосферой какой-то печали, вызванной Макинноном, его спокойной концентрацией, но и тем, что он сказал.

– Вы попали в самое яблочко, – сказал Фредерик и, наклонившись вперед, взял из рук Макиннона латунную вещицу, – Знаете, что это такое?

– Не имею представления.

Фредерик повернул маленький ключик в отверстии сбоку и нажал на кнопку. Изнутри механизма стала разворачиваться длинная тонкая лента из светлого металла и тут же сворачивалась ворохом на лавке перед ним.

– Это магниевая горелка, – сказал он, – Вы поджигаете конец ленты, и она горит, а пружинка продолжает выталкивать ее равномерно, и таким образом вы можете делать снимки при постоянном освещении. Последний раз я пользовался этим прибором в опиумном притоне в Лаймхаусе, когда снимал бедолаг, которые курят эту дрянь... Так это и есть психометрия, а? Я потрясен. Но как это происходит? В вашем мозгу возникает картина... или как?

– Что-то в этом роде, – сказал Макиннон, – Как будто видишь сон, хотя и не спишь. Управлять этим я не могу... Это приходит мне в голову совершенно неожиданно, в самое необычное время. Вот мы и подошли к делу: я видел убийство, и убийца это знает, хотя его имя мне неизвестно.

– Хорошее начало, – сказал Фредерик, – Многообещающее. Лучше расскажите нам все. Еще виски?

Он налил виски в стакан Макиннона и опять сел, готовый слушать.

– Это было шесть месяцев назад, – начал Макиннон. – Я давал представление в частном доме одной весьма значительной персоны. Я делаю это время от времени – скорее как гость, вы меня понимаете, чем актер по найму.

– Вы хотите сказать, что делаете это бесплатно? – спросил Джим. Он чувствовал, что все с большим трудом выносит снисходительную манеру речи и высокий, немного скрипучий, манерно-вежливый шотландский говор Макиннона.

– Разумеется, профессиональные расходы оплачиваются, – сухо ответил Макиннон.

– И кто же эта важная персона? – спросил Фредерик.

– Я предпочел бы не называть его. Он играет выдающуюся роль в политической жизни. Упомянуть его имя нет никакой необходимости.

– Воля ваша, – вежливо сказал Фредерик. – Продолжайте, прошу вас.

– Я был приглашен на обед в тот вечер, когда должно было состояться мое представление. Такова моя обычная система. Я – один из гостей, это всем очевидно. После обеда, когда леди удалились, а джентльмены остались в столовой, я ушел в музыкальный салон и занялся подготовкой к выступлению. Вдруг я заметил на крышке рояля оставленный кем-то портсигар; я взял его, собираясь положить в сторонку, чтоб не мешал, и внезапно испытал самое сильное психометрическое впечатление, какое только случилось в моей жизни.

Он помолчал, затем продолжил:

– Это была река, река в лесу – северном лесу с темными соснами, глубоким снегом и низким темно-серым небом. Вдоль открытого берега шли двое мужчин, о чем-то сердито споря. Я не мог их слышать, но видел так отчетливо, как вижу вас; внезапно один из них выхватил из своей трости клинок и вонзил его в грудь своего спутника – без всякого предупреждения; вонзил, пронзил насквозь, вытащил и снова вонзил... и так раз, и другой, и третий, четвертый, пятый – шесть раз!.. Я видел темную кровь на снегу...

Макиннон еще раз перевел дух.

– Когда жертва затихла, убийца огляделся, подобрал кусок мха и вытер им клинок, затем наклонился, схватил убитого за ноги и потащил к воде. Тут повалил снег. Потом я услышал всплеск – тело упало в воду.

Он замолк и отхлебнул виски. То ли все это правда, думал Джим, то ли он гораздо лучший актер, чем я полагал... Макиннон весь вспотел от ужаса, его глаза блуждали, словно увидели привидение. Ну и что, черт бы его побрал, на то он и артист – это ж его профессия...

Макиннон продолжал:

– Несколько мгновений спустя я пришел в себя и обнаружил, что все еще держу в руках портсигар. И тут, прежде чем я успел положить его, двери в музыкальный салон отворились и вошел тот самый человек, которого я только что видел. Он был одним из гостей – крупный властный мужчина с гладкими светлыми волосами. Он увидел, что я держу в руках, и подошел, чтобы взять портсигар; наши глаза встретились, и он понял, что я все видел...

Он ничего мне не сказал, так как в этот момент в комнату вошел слуга. Повернувшись к слуге со словами: «Спасибо, я только что нашел его», – он бросил на меня последний взгляд и вышел. Но он *знал*... Я показывал свой номер в тот вечер, и, куда бы я ни посмотрел, мне всюду чудились внезапные яростные удары клинком и темная кровь, льющаяся из раны на снег. И его гладкое властное лицо все время обращено было прямо на меня. Что ж, я, конечно, не опозорил хозяина дома – представление имело шумный успех, меня щедро вознаградили бурными аплодисментами, и несколько джентльменов были столь любезны, что заявили: сам великий Маскелин³ был бы не лучше. Закончив выступление, я собрал мои подсобные аксессуары и тотчас ушел, вместо того чтобы, как обычно, любезно смешаться с гостями. Понимаете, я начал бояться его...

Он опять сделал паузу.

– С тех самых пор я жил в постоянном страхе встретиться с ним вновь. А недавно ко мне зашел тот коротышка в очках – Уиндлсхэм – и сказал, что его хозяин желал бы со мной встретиться. Я знал, о ком идет речь, хотя он и не захотел назвать его. Сегодня вечером он явился снова, на этот раз с целой бандой... ну, ты их видел, Джим. Он заявил, что ему поручено доставить меня к его хозяину, чтобы обсудить наши общие с ним интересы, – он изложил это именно так... Они хотят убить меня. Захватить и убить, я в этом абсолютно уверен. Что мне делать, мистер Гарланд? Что мне делать?

Фредерик почесал в затылке.

– Имени этого человека вы не знаете?

– Там было очень много гостей в тот вечер. Возможно, мне его называли, но я не помню. А Уиндлс-хэм не пожелал сказать.

– Почему вы считаете, что они хотят убить вас?

– Сегодня вечером он заявил: если я не соглашусь пойти с ними, это будет иметь чрезвычайно серьезные последствия. Будь я обыкновенным человеком, я бы попросту скрылся. Может быть, сменил имя. Но я артист! Меня должны видеть, этим я зарабатываю себе на жизнь! Как я могу спрятаться? Половина Лондона знает мое имя!

– Но если так, в этом ваше спасение, – сказал Вебстер Гарланд, – Кем бы этот человек ни был, вряд ли он осмелится вредить вам во всем сиянии вашей славы, когда все внимание публики сосредоточено на вас, не так ли?

– Только не он. Я никогда не видел человека с таким беспощадным лицом. Кроме того, он обзавелся могущественными друзьями – он богат, у него связи, я же всего-навсего жалкий фокусник. О, что же мне делать?

Борясь с обуревавшими его сомнениями, Джим встал и покинул комнату, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Он чувствовал, что ему все труднее справляться с раздражением, которое вызывал у него этот человек. Джим сам не мог понять, в чем тут дело, но он редко встречал людей, настолько ему неприятных.

Он сидел на заднем дворе и бросал камешки в незастекленное окно новой студии, которую строил Вебстер, пока не услышал, что к фасаду подъехал вызванный для Макиннона кеб. Поняв, что фокусник уехал, он вернулся в дом. Вебстер раскуривал трубку от лучинки из камина, а Фредерик сматывал магниевую ленту в карманный осветительный прибор.

Фредерик взглянул на Джима и сказал:

– Загадочная история, Джим. Почему ты ушел?

Джим плюхнулся в кресло.

– Этот тип стал действовать мне на нервы, – сказал он, – И я сам не понимаю почему, так что не спрашивай. Лучше бы я бросил его и не рисковал сломать себе шею, таская его по крышам. «О-о, я баю-усь высоты-ы! О, па-звольте мне астаться вни-зу-у!» И этот его иди-

³ Невил Маскелин (1839–1917) – английский маг и спирит.

отский снобизм: «Разумеется, са мной абращаются точно так, как и с другими гостями...» Большой, дрожащий от страха дурачок Том. Ведь вы не взяли его, Фред? Как клиента, я имею в виду?

– Он и не хотел этого, действительно не хотел. Он желал, чтобы мы только *следовали* за ним по пятам, а не расследовали дело, и я сказал ему, что за это мы не беремся. Но адрес его я записал и сказал, что будем начеку, если что. Не знаю, что мы можем сделать еще на этой стадии.

– Пошлите его к черту для начала, – буркнул Джим, – Скажите, пусть сам выкручивается как хочет.

– Но почему? Если он говорит правду, это интересно, если лжет, еще интереснее. Насколько я понимаю, ты считаешь, что он лжет.

– Ясное дело, – сказал Джим, – Никогда не слышал такого нагромождения бессовестного вранья.

– Ты имеешь в виду психометрию? – спросил Вебстер, усаживаясь на софу, – А что скажешь об этом его маленьком представлении? Может, на тебя оно и не подействовало, а на меня так даже очень.

– Ну вы-то легкая добыча, – сказал Джим, – Вы и на трюк с тремя картами попадетесь как пить дать. Он же фокусник, так? Ему известно об этих хитроумных механических штучках больше, чем даже Фреду. Он знал этот аппарат и видел вон ту фотографию, которой ты так гордишься. Он сложил вместе два и два и обвел вас вокруг пальца, как двух простаков.

Вебстер поднял глаза на каминную доску, над которой Фредерик прикрепил одну из фотографий, сделанных ими в опиумном притоне, расхохотался и запустил в Джима подушкой, которую тот ловко поймал и подложил себе под голову.

– Ладно, – сказал Фредерик, – на этот раз твоя взяла. Но другая история, про лес и убийство на снегу, – что ты можешь из нее накрутить?

– Бедный ты недотепа! – сказал Джим, – Неужели ты все-таки поверил? Я в отчаянии, Фред. Я-то думал, в твоём кокосе все же есть немножко молока. Что ж, если ты не способен видеть очевидное, я обязан растолковать тебе. Он поймал на чем-то этого типа, ну того гостя. Шантаж, понял? Естественно, тот парень хочет убрать его с дороги, и я его за это не осуждаю. А если тебе не по нраву это объяснение, послушай вот такое: он затеял игру в кошки-мышки с женой того типа и его застукали.

– Вот это мне нравится больше всего в рассуждениях Джима, – сказал Фредерик Вебстеру, – он всегда глядит прямо в корень. Никаких завитушек, никаких тебе высоких мотивов...

Джим ехидно ухмыльнулся:

– Значит, ты и впрямь ему поверил! Ты становишься слабаком, приятель, это точно. Салли на такие сказки не клюнула бы. Оно и понятно: у нее-то есть голова на плечах.

Лицо Фредерика потемнело.

– Не хочу ничего слышать об этой напыщенной гусыне, – сказал он.

– Напыщенная гусыня! Вот так отмочил! Как ты ее называл в последний раз? Фанатичной, узколобой счетной машиной. А она тебя – бесполезным, безмозглым фантазером, а ты ее...

– Хватит, черт возьми! Мне больше нет до нее дела. Лучше расскажи мне о...

– Спорим, ты еще на этой неделе поплетешься к ней!

– Ладно. Ставлю полгинеи, что не пойду.

Они ударили по рукам.

– Так ты веришь ему, Фред?

– Мне нет нужды верить ему, чтобы удивляться увиденному. Я только что сказал, хотя Джим и не помнит этого: если он лжет, от этого вся история становится еще интереснее, вот

и все. В данный момент меня занимает спиритизм. Когда возникают такого рода совпадения, я воспринимаю это как знак: что-то происходит.

– Бедный старина Фред, – сказал Джим, – Закат великолепного интеллекта.

– Ну так что же насчет спиритизма? – спросил Вебстер, – Что-нибудь в этом все-таки есть?

– И немало, – ответил Фредерик, плеснув еще виски в свой стакан, – Есть мошенничество, есть легкоеверие, есть страх – не столько страх смерти, сколько страх того, что после нее ничего не будет... И среди всего этого, возможно, есть и что-то реальное.

– Да поди ты, – сказал Джим, – Все это вздор.

– Что ж, если хочешь в этом разобраться, завтра вечером будет собрание Лиги спиритов города Стритхема и его окрестностей...

– Куча болванов!

– ...которое может заинтересовать твой широкий, весьма симпатичный и всегда открытый ум. Особенно когда происходит что-то странное. Может, все-таки пойдешь и помотришь своими глазами?

Глава четвертая Нелли Бад

Фредерик был отнюдь не единственным, кто давно уже интересовался спиритизмом. Спиритизм стал одной из жгучих тем того времени. В скромных гостиных, модных художественных салонах и университетских лабораториях только и говорилось о легких постукиваниях и громких ударах, коими духи, которым больше нечего было делать, пытались наладить связь с живущими; ходили слухи даже о куда более странных проявлениях – каких-то потусторонних голосах, запредельных трубных звуках и о медиумах, способных выделять мистическую субстанцию, именуемую эктоплазмой...

Речь тут шла о весьма высоких материях. Есть ли жизнь после смерти? Действительно ли существуют фантомы и призраки? Находится ли человечество на пороге величайшего события в истории? Умнейшие люди относились ко всему этому вполне серьезно, но серьезнее всех – Лига спиритов города Стритхема и его окрестностей, члены которой встречались в доме миссис Джеймисон Уилкоккс, вдовы почтенного бакалейщика.

Фредерика пригласил на бдения Лиги один из ее членов, чиновник из Сити, обеспокоенный кое-чем, услышанным им во время сеанса. Он настоял на том, чтобы Фредерик представился собранию не тем, кем он был; самому ему неловко было шпионить за своими друзьями, но он объяснил Фредерику, что вопрос серьезный, речь идет о фантастических финансовых махинациях и он не вправе это игнорировать. Фредерик с готовностью согласился. Итак, на этот вечер он превратился в ученого, а Джим – в его ассистента.

– Единственная твоя задача, – сказал Фредерик другу, – просто слушать. Запоминай каждое слово. Не обращай внимания налетающие бубны и руки призраков – это все детские игрушки, – сконцентрируйся на том, что будет говорить медиум.

С помощью брильянтина он пригладил волосы; огромные совиные очки странно сидели на его сломанном носу. Джим, невольно заинтересованный, нес небольшую коробку с латунными застежками и ящик с электробатареей, ворча всю дорогу до Стритхема, какой он тяжелый.

К семи часам парадная гостиная миссис Джеймисон Уилкоккс наполнилась. Двенадцать гостей сидели тесно, словно сельди в бочке, так что едва могли пошевелинуться. Все не слишком массивные предметы обстановки были вынесены из комнаты, но в ней оставались весьма внушительный стол, фортепиано, три кресла и другие тяжелые вещи, а также буфет, на котором стоял задрапированный черным портрет покойного мистера Джеймисона, соседствуя с внушительным ананасом.

В комнате было тепло, чтобы не сказать жарко. Газовые рожки в декоративных бра давали высокие язычки пламени, в камине ярко горел уголь. Немалую толику телесного тепла излучали и сами собравшиеся в гостиной спириты, уже успевшие подкрепиться плотным ужином с чаем; в воздухе витали тяжелые запахи консервированного лосося, холодного языка, креветок из банки, сладкой свеклы и бланманже. Всяческих ужимок и шуток было вдоволь, однако никому и в голову не пришло хотя бы на минуту расстегнуть смокинг или расслабить галстук.

Само собрание должно было начаться в половине восьмого, и когда подошло время, представительный и властный джентльмен открыл крышку карманных часов и громко кашлянул, чтобы привлечь внимание собравшихся. Это был мистер Фримен Хамфриз, удалившийся от дел торговец текстильными товарами и президент Лиги.

– Леди и джентльмены! – начал он, – Друзья и соратники, взыскующие правды! Позвольте мне прежде всего поблагодарить от вашего имени миссис Джеймисон Уилкоккс за

основательное и восхитительное угощение, коим мы все только что насладились. (Негромкое гудение в знак согласия.) Далее позвольте мне приветствовать миссис Бад, хорошо известного нам медиума и ясновидящую, чьи послания произвели такое впечатление и так утешили нас в нашу прошлую встречу, – Он обернулся и отвесил легкий поклон пышной черноволосой женщине с лукавыми глазами, которая дерзко ему улыбнулась. Мистер Хамфриз кашлянул еще раз и полистал свои заметки, – И наконец, я уверен, что все вы будете рады познакомиться с доктором Гербертом Семплом и его помощником из Королевского общества. Итак, я приглашаю доктора Семпла объяснить причину нашей сегодняшней встречи и немного рассказать нам о его исследованиях.

Настала очередь Фредерика. Он встал и обвел взглядом переполненную комнату: владельцев магазинчиков, чиновников, их жен, мертвенно-бледного молодого человека с презрительной миной и мертвенно-бледную молодую женщину с гагатовым ожерельем на шее, миссис Бад, медиума (чьи глаза с восхищением оглядели его стройную фигуру во фраке), миссис Джеймисон Уилкоккс и ананас.

– Благодарю вас, мистер Хамфриз, – заговорил он, – Великолепный чай и все прочее, миссис Уилкоккс. Превосходное угощение. Итак, леди и джентльмены, я чрезвычайно вам благодарен за приглашение. Мой ассистент и я с некоторых пор с большим интересом занимаемся исследованиями состояния транса, особенно же интересуется нас электропроводимость кожи. Эта коробочка, – Джим поставил ее на стол, и Фредерик открыл крышку, демонстрируя медную проволочную спираль, огромный моток проволоки, медные клеммы и большой стеклянный циферблат с круговой шкалой, – эта коробочка является усовершенствованным вариантом электродермографа, изобретенного профессором Шнайдером из Бостона и исследующего реакции дермы, то есть кожи.

Он передал конец длинной проволоки Джиму, чтобы он подсоединил ее к батарее, находившейся в принесенном ими ящике, потом отмотал еще четыре отрезка проволоки, каждый из которых оканчивался маленьким латунным диском. Все они были подсоединены к медной катушке.

– Эти проволочки прикрепляются к лодыжкам и запястьям медиума, – объяснил он, – сопротивление указывает стрелка на циферблате. Итак, могу я подсоединить вас, миссис Бад?

– Вы можете подсоединять меня когда угодно, дорогой мой, – игриво отозвалась миссис Бад.

Фредерик неловко кашлянул:

– Хорошо. Могу ли я попросить одну из дам укрепить проволочки на лодыжках миссис Бад? Я понимаю, задание деликатное...

Однако миссис Бад отнюдь не волновали проблемы деликатности.

– Ах нет! – воскликнула она. – Я предпочла бы, чтобы вы проделали это сами, любовь моя, так я буду уверена, что меня не ударит током. К тому же вы обладаете *даром*, не правда ли? Я увидела это, как только вы вошли, душа моя, – от вас исходит духовное сияние.

– О, – сказал Фредерик, спиной чувствуя, что Джим ухмыляется во весь рот, – Ну что ж, в таком случае...

Вытягивая проволочки, Фредерик нырнул под скатерть, а леди и джентльмены Лиги спиритов, сознавая всю непристойность того, что молодой человек в данную минуту касается пары женских лодыжек, но при этом не сомневаясь в явной духовной одаренности обеих сторон, покашливали и благовоспитанно отводили глаза. Минуту спустя Фредерик появился из-под стола и объявил, что проволочки подсоединены.

– Ах, но как нежно вы это проделали! – вскричала миссис Бад, – Я едва ощущала ваши прикосновения. Какие артистичные пальцы!

– Итак, – сказал Фредерик, свирепо лягнув Джима по щиколотке, – сейчас мы опробуем аппарат, не так ли?

Он включил прибор, и стрелка, тотчас подскочив вверх, задрожала на середине циферблата.

– Потрясающе! – сказала миссис Бад, – Меня даже не кольнуло.

– О, не беспокойтесь, миссис Бад, ток очень слабый. А теперь, леди и джентльмены, не пора ли нам занять свои места вокруг стола?

Стулья придвинули, и спириты вместе с гостями постарались более или менее удобно, насколько позволяла теснота, расположиться вокруг стола. Фредерик сел слева от миссис Бад, поставив перед собой электродермограф; Джим, не успев улизнуть, был схвачен сильными пальцами, унизанными кольцами, и решительно усажен справа от нее.

– Свет, если можно, миссис Уилкокс, – сказал мистер Фримен Хамфриз.

Хозяйка завернула один за другим газовые рожки, после чего села сама. Лишь слабое мерцание догоравшего в камине угля тускло освещало комнату. Воцарилось молчание.

– Видите ли вы ваш аппарат, мистер Семпл? – спросил президент каким-то нездешним голосом.

– Прекрасно вижу, благодарю вас. Стрелка покрыта люминесцентной краской. Если вы готовы, миссис Бад, то я тоже.

– Спасибо, мой милый, – сказала она безмятежным тоном – Соедините руки, леди и джентльмены.

Все на ощупь отыскивали руки друг друга и, ладонь в ладонь, положили их по краю стола. Круг замкнулся. Фредерик устремил глаза на коробку, его правая рука была зажата в теплой, потной руке миссис Бад, в левую вцепились костлявые пальцы мертвенно-бледной девицы, сидевшей с другой стороны.

Стояла полная тишина.

Прошла минута; миссис Бад издала долгий прерывистый вздох. Ее голова упала вперед, казалось, она задремала. Но вдруг проснулась и заговорила... мужским голосом.

– Элла? – спросила она. – Элла, дорогая?

Голос был богатый, сочный, и многие из сидящих вокруг стола почувствовали, как волосы на затылке встают дыбом. Миссис Джеймисон затрепетала и проговорила чуть слышно:

– О! Чарльз!.. Чарльз! Это ты?

– Конечно я, дорогая! – отозвался голос; это и вправду был голос мужчины, женщина имитировать такой голос не может, он напоен был шестидесятисемилетним общением с портвейном, сыром и изюмом.

– Элла, дорогая моя, хотя мой уход и разлучил нас, наша любовь не должна охладеть...

– О, никогда, Чарльз! Никогда!

– Я с тобой постоянно, днем и ночью, моя милая. Скажи Филкинсу в лавке, чтобы он позаботился о сыре.

– Позаботился о сыре... да-да...

– И будь внимательнее с нашим мальчиком, Виктором. Боюсь, приятели оказывают на него дурное влияние.

– О Чарльз, дорогой, что я могу...

– Не бойся, Элла. Благословенный свет сияет, блаженный мир призывает меня, я должен возвращаться... не забудь про сыр, Элла. Филкинс недостаточно аккуратен с салфетками. Я ухожу... Я отправляюсь...

– О Чарльз! О Чарльз! Прощай, любовь моя!

Послышался вздох, и дух бакалейщика удалился. Миссис Бад потрясла головой, словно желая прочистить ее; миссис Джеймсон Уилкокс тихо плакала в носовой платочек с черной каймой, затем круг снова сомкнулся.

Фредерик оглядел собравшихся. В полутьме было невозможно разглядеть лица, но атмосфера изменилась: все были возбуждены, все напряженно ожидали чего-то, готовые верить всему. Эта женщина была великолепна. Фредерик не сомневался, что она плурует, но он пришел сюда не для того, чтобы слушать наказания покойного бакалейщика по поводу сыра.

И тут *это* произошло.

Миссис Бад вдруг конвульсивно содрогнулась и заговорила низким голосом – на сей раз своим голосом, но дрожащим от ужаса.

– Вспышка... – проговорила она. – Там проволока... и счетчик, он кружит – сто один, сто два, сто... о, нет-нет-нет... Колокол. Колокола. Мужчина... колокол. Какой красивый пароход, и маленькая девочка, мертвая... Это не Хопкинсон, но они не должны знать. Нет. Пусть это скроется в тени. Шпага в лесу – о, кровь на снегу, и лед – он все еще там, всё в стеклянном гробу... Регулятор. Триста фунтов... четыреста... Полярная звезда! Тень на севере... мгла, все в огне... пар – пар несет смерть... смерть в трубах... в них пар... под Полярной звездой – о, какой ужас...

Ее исполненный бесконечной печали голос слабел, удалялся и наконец замолк совсем.

Фредерик пришел сюда именно ради этого, и, хотя он ничего не понимал, от ее голоса по спине бежали мурашки: то был голос человека, терзаемого ночным кошмаром.

Остальные спириты сидели, исполненные почтительного внимания. Никто не шевельнулся. Но тут миссис Бад громко вздохнула, просыпаясь, и опять взялась за дело.

От фортепьяно послышался громкий аккорд. Все подскочили, и три фотографии в серебряных рамках на крышке завибрировали в знак солидарности.

Из центра стола раздался яростный стук. Все головы судорожно дернулись от неожиданности, спириты смотрели теперь вверх, где разливалось бледное трепещущее сияние, материализовавшееся на потолке. Миссис Бад с закрытыми глазами, казалось, была в центре невидимой бури. Фредерик понимал, что она контролирует происходящее, но все же это производило впечатление: хлопали шторы, струны фортепьяно яростно рокотали – и тут тяжелый стол под камчатной скатертью приподнялся и закачался, словно лодка в бурном море. Бубен на каминной доске звякнул и, дребезжа, рухнул в камин.

– Физическое проявление! – воскликнул мистер Хамфриз, – Прошу всех соблюдать спокойствие! Наблюдайте за редчайшим феноменом. Духи не причинят нам зла...

Однако же в отношении электродермографа у духов явно были иные намерения: из него вдруг выплеснулась ослепительная вспышка, раздался треск и запахло гарью. Миссис Бад испуганно вскрикнула, и Фредерик поспешно вскочил на ноги.

– Свет! Миссис Уилкокс, пожалуйста, свет!

Как только хозяйка дома в поднявшейся суматохе отвернула краник ближайшего к ней газового рожка, Фредерик наклонился к медиуму и быстро убрал проволочки с ее запястий и лодыжек.

– Потрясающий результат! – говорил он, – Миссис Бад, вы превзошли все ожидания! Беспрецедентная запись... вы не пострадали? Нет, конечно же нет. Машина испорчена, но это не важно. Она не справилась с записью! Ее зашкалило! Великолепно!

Сияя и торжествуя, он кивал ошеломленным спиритам, моргавшим отвыкшими от света глазами. Джим отцепил проволочку от аккумулятора. Миссис Бад потирала запястья.

– Прошу прощения за все, миссис Уилкокс, – продолжал Фредерик, – Я не хотел испортить вам сеанс, но, видите ли, это же научное доказательство! Когда я опубликую свою статью, сегодняшнее собрание Лиги спиритов Стритхема будет признано поворотным пунктом

в истории психологических исследований. О, меня это отнюдь не удивило бы. Потрясающий результат!

Вознагражденный этим кружок спиритов распался, а миссис Джеймисон Уилкоккс, чья природа в кризисные моменты автоматически обращалась к поддержанию жизненных сил, предложила всем по чашке чая. Вскоре чай принесли; миссис Бад окружила небольшая кучка поклонников, а Фредерик и мистер Хамфриз углубились в серьезную беседу у камина, пока Джим упаковывал электродермограф с помощью самой хорошенькой из присутствовавших девиц.

Кое-кто из гостей собрался уходить, и Фредерик встал вместе с ними. Он обошел всех, пожимая руки, оторвал Джима от его девицы и, прежде чем покинуть собрание, отдал особую дань восхищения миссис Бад.

Худощавый нервный мужчина средних лет покинул дом одновременно с ними, будто бы случайно, и все трое направились к станции. Как только они повернули за угол, Фредерик остановился и снял очки.

– Вот теперь лучше, – сказал он, протирая глаза. – Итак, мистер Прайс, это то, что вы ожидали? Ее обычная программа?

Мистер Прайс кивнул головой:

– Я глубоко сожалею... ваша машина...

Похоже было, что он постоянно о чем-нибудь сожалеет.

– Тут жалеть нечего. Что вам известно об электричестве?

– Боюсь, совершенно ничего не известно.

– Как и почти всем. Я мог бы прицепить проволоку к огурцу и сказать им, что в нем находится душа их дядюшки Альберта, и, если бы стрелка подпрыгнула, они ничего бы не заподозрили. Нет, это просто фотографическая камера.

– О! Но я полагал, что для съемки вам требовались какие-то химикалии и все такое...

– Обычно да, если работаешь с уже устаревшими влажными коллодиевыми пластинками. Их приходится каждый раз освежать заново. Но здесь вставлена желатиновая пластинка – новейшее изобретение. Гораздо удобнее.

– Ах так...

– И вспышка – моих рук дело. Не мог же я снимать в темноте. Как только проявлю пластинку, непременно съезжу к миссис Бад, побеседую с ней о ее трюках... А вот что касается всей этой истории со вспышкой, тенями и Полярной звездой... Тут было что-то совсем другое.

– В самом деле, мистер Гарланд. Как раз это и встревожило меня больше всего. Сегодня я видел миссис Бад в четвертый раз, и каждый раз она впадала в транс, вроде этого, совершенно отличного от всего ее представления... при этом она упоминала кое-какие детали финансовых сделок, известных мне, поскольку я служу в Сити... и других историй, вроде сегодняшней... а между тем некоторые из них абсолютно секретны. Это необъяснимо.

– Вы и сегодня слышали нечто подобное? Например, кто такой Хопкинсон?

– Это имя мне ни о чем не говорит, мистер Гарланд. Сегодня ее речь была темна и невнятна. Только вот насчет колоколов и Полярной звезды...

– И что же?

– Она сказала: «Мужчина... колокол», если вы помните. Ну так вот, фамилия моего нанимателя – мистер Беллман⁴. Аксель Беллман, шведский финансист. А «Полярная звезда» – название новой компании, им созданной. Я боюсь, если что-то из этого выйдет наружу... понимаете, мистер Гарланд... подозрение падет на меня... А ведь единственное достояние

⁴ Фамилию Беллман можно перевести как «звонарь» (bell – по-английски колокол; man – человек).

чиновника – его доброе имя. Моя жена не совсем здорова, и если со мной что-нибудь случится, мне страшно подумать...

– Да-да, я понимаю.

– Боюсь, эта бедная женщина – я имею в виду миссис Бад – находится под влиянием некоего бесплотного интеллекта, – проговорил мистер Прайс, щурясь на свет газового фонаря под морозящим дождем.

– Вполне возможно, – сказал Фредерик, – Вы показали мне нечто действительно интересное, мистер Прайс. Все останется между нами – об этом не тревожьтесь.

– Ну что ж, – сказал Джим в поезде десять минут спустя. – Я изменил свое мнение. В этом действительно что-то есть.

Фредерик, держа камеру на коленях, читал то, что Нелли Бад говорила в трансе. Джим записал все прекрасно; он помнил каждое слово и сумел все записать. Притом заметил нечто неожиданное.

– Это как-то связано с Макинноном! – сказал он, перечитывая свои записи.

– Не говори глупостей, – сказал Фредерик.

– Черт побери, так оно и есть, дружище. Послушай: «Шпага в лесу – о, кровь на снегу, и лед... Он все еще там, всё в стеклянном гробу...»

Фредерик колебался.

– Может, и так. Хотя этот «стеклянный гроб»... не понимаю. Я подумал, может, она говорит о Спящей красавице? Кровь на снегу... Это, возможно, как ее там, Белоснежка, или Красная Шапочка, или еще кто. Волшебные сказки. Но я думал, ты ему не веришь?

– Не обязательно верить, чтобы заметить связь, правильно? Это же действительно часть того, что говорил Макиннон. Ставлю десять шиллингов.

– О нет! Там, где дело касается Макиннона, я не заключаю пари. Похоже, он выскакивает отовсюду. Хочу поскорее проявить эту пластинку. Отвези батарею на Бёртон-стрит, а я возьму кеб и наведаюсь к Чарли на Пикадилли.

Глава пятая

Консультация по финансовым вопросам

Салли Локхарт, консультант по финансовым вопросам, работала до позднего вечера. В Сити за стенами ее офиса было уже темно и тихо, в камине догорал уголь. Ковер был усыпан бумагами, некоторые листы, решительно смятые, валялись, не долетев до корзины для бумаг, остальные сложены неровными стопками по какой-то сложной системе. Салли сидела за столом, у одного локтя – ножницы и клейстер, у другого – кипа газет, писем, сертификатов, папок; атлас, открытый на Балтийском море и странах вокруг него, лежал на запачканном блокноте с промокательной бумагой.

Чака, как обычно, устроился перед камином, лениво опустив огромную голову, его передние лапы иногда подергивались во сне.

Волосы постоянно мешали Салли; они все время лезли в глаза, и она то и дело откидывала их назад нетерпеливой рукой. Глаза устали. Она в двадцатый раз поглядывала на газовый рожок, измеряя расстояние от него до письменного стола и размышляя о том, стоит ли тратить силы, чтобы подвинуть стол поближе к нему и тем разрушить определенный порядок в лежавших на полу бумагах. Решив, что не стоит, она опять повернулась к атласу с увеличительным стеклом в руке.

Внезапно пес сел и зарычал.

– В чем дело, Чака? – спросила она ласково и прислушалась. Немного погодя стук в выходящую на улицу дверь внизу повторился. Салли встала, зажгла свечу от газового рожка и вставила ее в небольшой фонарь, чтобы не задуло на сквозняке, – Пошли, мальчик, – сказала она, взяв со стола ключ, – Посмотрим, кто там.

Огромное животное поднялось, зевнуло, широко раскрыв красную пасть, потянулось и поплелось за ней на первый этаж. Пустое здание выглядело пугающе темным и молчаливым, и только маленькое пятнышко света перемещалось по лестнице вниз; но Салли хорошо здесь ориентировалась, бояться ей было нечего.

Она отперла дверь и холодно посмотрела на человека, стоявшего на ступенях подъезда.

– В чем дело? – спросила она.

– Ты хочешь, чтобы я стал рассказывать обо всем прямо здесь, на пороге? – спросил Фредерик Гарланд, – Или меня уже пригласили войти?

Она молча отступила в сторону. Чака зарычал, и она, взяв его за ошейник, пошла вверх вслед за Фредериком. Оба шли молча.

Войдя в ее офис, Фредерик бросил на пол пальто и шляпу и бережно поставил фотокамеру, затем пододвинул одно из кресел поближе к огню. Пес опять зарычал.

– Скажи этому зверюге, что я друг, – предложил Фредерик.

Салли погладила пса по голове, и настороженный Чака сел возле нее. Она осталась стоять.

– Я занята, – сказала она, – Что тебе нужно?

– Тебе известно что-нибудь о спиритизме?

– О, в самом деле, Фред! – воскликнула она раздраженно, – Сейчас не время для глупых шуток. Мне нужно поработать.

– А о человеке по фамилии Макиннот? Маге?

– Никогда о нем не слышала.

– Ну хорошо, а о человеке по имени Беллман? И еще – о некой «Полярной звезде»?

Ее глаза расширились. Рукой она нашла спинку своего кресла и медленно села.

– Да, я о нем слышала, – проговорила она, – Но в чем дело?

Фредерик коротко рассказал о сеансе в Стритхеме и протянул ей листок бумаги, испи-
санный Джимом. Она прищурилась, потом вскинула на него глаза.

– Это написал Джим? – удивилась она, – Обычно я хорошо разбираю его почерк, но...

– Он писал это в поезде, – объяснил Фредерик, – Тебе следовало бы установить здесь
несколько приличных светильников... Давай-ка я тебе прочитаю.

Дочитав, он поднял глаза и увидел на ее лице выражение сдерживаемого волнения.

– Итак? – сказал он.

– Что тебе известно об Акселе Беллмане? – спросила она.

– Да почти ничего. Он финансист, и мой клиент работает на него. Это все, что мне
известно.

– И ты называешь себя детективом?

Салли проговорила это насмешливо, но беззлобно и наклонилась, отыскивая что-то
среди бумаг, лежавших вокруг ее ног. Ее волосы опять упали на лоб; она нетерпеливо отбро-
сила их назад и посмотрела на Фредерика; ее щеки пылали, глаза блестели. Он ощутил знако-
мую волну беспомощной любви, за которой последовала столь же знакомая волна смирения
и гнева. Как эта неаккуратная, фанатичная девчонка, полуневежда в финансовых вопросах,
сумела обрести такую власть над ним?

Он вздохнул и увидел, что она держит в руке какой-то документ. Он взял листок и стал
читать, сразу узнав ее отчетливый быстрый почерк.

*«Аксель Беллман – родился в Швеции (?) в 1835 году (?), выдвинулся на торговле
лесом в прибалтийских странах; фабрики спичек в Гётеборге, Стокгольме; фабрика в Вильно
закрыта по распоряжению правительства после пожара, в котором погибло тридцать пять
рабочих; имеет интересы в пароходстве: компания “Англо-Балт”; шахты, чугунолитейное
дело; скупает по дешевке идущие ко дну компании, закрывает их, распродает их авуары;
впервые появился в Англии в 1865 году – темный скандал в связи с Мексиканской желез-
ной дорогой, – затем исчез; в 1868–1869 годах, по слухам, отбывал тюремное заключение
в Мехико, потом будто бы объявился в России, вместе с партнером Арне Норденфельсом
предложил проект, опять имевший отношение к железным дорогам (?); о Норденфельсе –
никаких сведений, ни до, ни после. В 1873 году Беллман приехал в Лондон, по-видимому, с
нелимитированными фондами; газеты дали ему прозвище Паровой король; учреждал новые
компании, преимущественно горнодобывающие и химические производства; финансовые
интересы: паровые двигатели, железные дороги и т. д. – “Полярная звезда” (?); не женат;
адреса: Гайд-парк-Гейт, 47; “Балтик-Хаус”, Треднидл-стрит».*

Фредерик вернул Салли бумагу.

– Кажется, изворотливый тип. Почему ты интересуешься им?

– Моя клиентка потеряла все свои деньги в Англо-Балтийском пароходстве. По моей
вине, Фред. Это было ужасно. Я посоветовала ей вложить в компанию деньги, а несколько
месяцев спустя она лопнула. Совершенно неожиданно... Я попробовала разобраться и
думаю, он проделал это сознательно. Просто стер ее с лица земли. Должно быть, тысячи
людей потеряли при этом свои деньги. И проделано все было чрезвычайно умно, не подко-
паешься... Но чем больше я в это вникаю, тем яснее чувствую, что здесь что-то не так. Все
слишком смутно, полной уверенности у меня нет, но происходит что-то мерзкое. Этот чело-
век, Норденфельс...

– Его партнер в России? Чей след потерян?

– Да. Сегодня я кое-что обнаружила; надо будет пополнить эту справку. Норденфельс
был конструктором паровых машин. Он сконструировал машину для «Ингрид Линде» – этот
пароход, принадлежавший «Англо-Балту», исчез по пути в Ригу. Он не был должным обра-
зом застрахован, и это стадо одной из причин краха компании. Но Норденфельс вообще про-
пал; после России как в воду канул.

Фредерик почесал голову и откинулся назад, вытянув вперед ноги и стараясь при этом не потревожить Чаку.

– А «Полярная звезда»? Почему у тебя там стоит знак вопроса?

– Просто я не знаю, что это такое. Вот почему этот ваш сеанс так взволновал меня. Ну-ка, что она там сказала?

Салли взяла у Фредерика листок и, поднеся к глазам, прочитала:

– «Это не Хопкинсон, но они не должны знать»... Потом она говорит: «Регулятор». Просто поразительно, Фред. Эта компания – «Полярная звезда»... никто не знает, что она такое и каковы ее цели; в документах ничего об этом нет. Единственное, что мне удалось разузнать, – производство это каким-то образом связано с машиной, или процессом, или, во всяком случае, с чем-то, называемым «саморегулятор Хопкинсона»...

– Паровые машины имеют регуляторы, – сказал Фредерик. – А этого типа, Беллмана, называют Паровым королем, не так ли?

– Да. Думаю, кто-то работает на него, может быть, журналист, который помещает о нем статейки в газетах, – не реальные новости, а короткие статейки, чтобы представить его интересной и важной фигурой, человеком, достойным того, чтобы в его дело вкладывать деньги. Ему дали это прозвище, когда он приехал сюда впервые, пять-шесть лет назад, и учредил свои первые компании. Но с некоторых пор его перестали так называть. И то, что сейчас о нем пишут, больше похоже на реальные новости. Хотя их не так уж и много. Он почти нигде не появляется. Но он самый богатый человек в Европе и он опасен, Фред. Он все разрушает. Сколько людей поступили так же, как моя клиентка, и вложили свои деньги в его компанию – зачем? Чтобы он сознательно погубил дело? Я собираюсь вывести его на чистую воду. Я намерена заставить его платить.

Она сжала кулаки на коленях, ее глаза сверкали. Огромный пес тихонько ворчал у ее ног.

– Но что ты скажешь об этой истории со спиритизмом? – спросил Фредерик чуть позже, – Действительно ли медиум – миссис Бад – выхватила эту историю прямо из воздуха, или она лжет? Не могу разобраться.

– О ней ничего сказать не могу, – ответила Салли, – Но я знала нескольких человек в Кембридже – ученых, которые исследовали это явление. Что-то в этом есть, я уверена. Думаю, она могла читать мысли твоего клиента. У него же вся информация должна быть прямо в кончиках пальцев.

– Возможно... Хотя об этой вспышке он ничего не знал. Или взять те триста фунтов. Ведь это же грошовая сумма, коль скоро мы говорим о самом богатом человеке в Европе.

– Может, речь шла не о деньгах, – сказала Салли.

– Вес? Что, он такой толстяк?

– Паровые машины, – напомнила она.

– А... Давление. Триста фунтов на квадратный дюйм... Немыслимо. Может, дело в саморегуляторе, который позволяет наращивать давление до этого уровня. Но ведь на то существуют клапаны... Интересная материя, Локхарт. Только вчера у меня был другой клиент – ну, не совсем клиент, Джим привез его домой из мюзик-холла, просто фокусник. У него бывают видения или что-то такое – он называет это психометрией, – так вот, он считает, что видел убийство. Не знаю, какой он ждет от меня помощи...

– Хм... – Салли думала, вероятно, о чем-то другом, – Значит, собираешься заняться этими спиритами? – спросила она.

– Ты имеешь в виду сеанс? Я уже взялся. Собираюсь навестить Нелли, как только фотография будет проявлена. Посмотрю, что она скажет. А что?

– Просто не перебегай мне дорогу.

Он сердито выпрямился в кресле:

– Ну вот это мне нравится! Я мог бы сказать тебе то же самое, ты, наглая замарашка, не будь я человеком воспитанным. А поскольку я именно таков, уж лучше придержу язык. И ты не перебегай мне дорогу!

Она улыбнулась:

– Ну хорошо. Мир, – Но тут же ее улыбка померкла; она опять выглядела усталой, – Но, пожалуйста, Фред, будь осторожен. Я должна вернуть те деньги. И если ты узнаешь что-то полезное для меня, я буду тебе благодарна.

– Давай работать вместе. Почему бы и нет?

– Нет. Работая отдельно, мы достигнем большего. Я уверена.

Она была упряма, Фредерик это знал. Несколько минут спустя он поднялся, чтобы уйти. Она проводила его вниз, впереди них в темноте шел огромный черный пес, стуча когтетистыми лапами. На пороге Фредерик обернулся и протянул руку, после секундного колебания она пожала ее.

– Мы будем делиться информацией, – сказала она, – но и только. Кстати...

– Да?

– Сегодня я видела Джима. Ты должен ему полгинеи.

Глава шестая

Леди Мэри

Фредерик засмеялся.

– Ну-ну! Что там у тебя? – спросил Вебстер, колдуя у полки.

Это было на следующее утро после сеанса; Фредерик, вручив полгинеи торжествовавшему Джиму, проявлял фотографию Нелли Бад.

– У нее оказалось четыре руки, – сказал Фредерик. – Кстати, освещение хорошее.

– И все-таки на вспышку полагаться нельзя, – сказал его дядя. – Работай с магнием, вот тебе мой совет, – Он вытер руки и подошел, чтобы лучше рассмотреть отпечаток, – Черт побери, а ведь она тут решила устроить парочку трюков, верно?

Миссис Бад вышла на снимке великолепно – одна ее рука приподымала край стола, в то время как другая дергала тонкий шнур, протянутый к шторам. Джим справа от нее сжимал что-то похожее на набитую ватой перчатку.

– Выглядит сейчас довольно глупо, – сказал Фредерик. – Но одну руку я держал сам, и это была рука как рука. Ты погляди на Джима...

Веселая физиономия Джима была запечатлена в тот момент, когда выражала нечто среднее между почтительным восхищением и смятением человека, который вот-вот потянет штаны. Вебстер расхохотался.

– За такое и впрямь полгинеи не жалко, – сказал он, – Ну и что ты собираешься с этим делать? Поедешь и лишишь старушку ее заработка?

– Нет, – возразил Фредерик, – этого я не сделаю, она мне слишком понравилась. Если члены Лиги спиритов Стритхема настолько тупы, что клюют на это, желаю Нелли Бад удачи, вот что я скажу. Пожалуй, напечатаю этих снимков побольше и буду продавать. Назову «Дурные предчувствия, или Джим и призраки». Нет, я просто воспользуюсь фотографией как визитной карточкой, когда поеду к ней.

Фредерик собирался посетить медиума в тот же день, однако ближе к полудню произошло нечто, заставившее его отложить визит: появился Макиннон в длинном плаще и широкополой шляпе, надеясь проскользнуть незнанным, – впрочем, когда он проходил через магазин, этот маскарадный наряд привлек к нему больше внимания, чем если бы он ворвался туда с кавалерийским эскадроном.

Вебстер был занят на студии, Джим куда-то ушел, так что Фредерик принял его один в комнате позади магазина.

– Мне нужна ваша помощь, – сразу же заговорил Макиннон, как только они сели. – Сегодня вечером меня пригласили выступить в частном доме, и мне хотелось бы, чтобы вы тоже там были. В случае если тот человек... ну, вы знаете...

– В частном доме?

– Благотворительное выступление у леди Харборо. Примерно сто человек. Гости платят по пять гиней, сбор пойдет в больничный фонд. Разумеется, я выступаю бесплатно. Чисто номинальное вознаграждение за расходы.

– Но что я должен там делать? Я вам уже говорил: охраной я не занимаюсь. Если вам нужен телохранитель...

– Нет-нет, не телохранитель. Я бы чувствовал себя лучше, если бы кто-то еще проследил за тем человеком, только и всего. Если он попытается войти в контакт со мной, вы могли бы втянуть его в беседу. Отвлечь его, понимаете?

– Я не знаю даже, как он выглядит. Вы изъяснялись тогда на редкость туманно, мистер Макиннон. Вы считаете, что он преследует вас, так как знает, что вам было видение, как он убивает кого-то, но вы не знаете кто, и не знаете где, и не знаете когда, не знаете даже его имени, и не знаете...

– Я нанимаю вас все это выяснить, – сказал Макиннон. – Если вы не беретесь сами, то крайне меня обяжете, порекомендовав другого детектива, который может это сделать.

Он выглядел суровым и требовательным, но был при этом немного смешон в своем цыганском плаще и шляпе. Фредерик усмехнулся:

– Ну что ж, прекрасно. Если вы так ставите вопрос, я согласен. Но вашим телохранителем я не буду, имейте в виду. Если этот парень вздумает проткнуть вас шпагой, я, насвистывая, отвернусь к окну. Драк с меня уже хватит.

Он потер нос, сломанный во время схватки шесть лет назад на пустынной верфи в Уоппинге – схватки, из которой ему все же удалось выйти живым.

– Так, значит, вы придете? – сказал Макиннон.

– Да. Но скажите мне, что я должен делать. Вы хотите, чтобы я был, так сказать, вашим ассистентом на сцене – или?..

Выражение лица Макиннона сказало Фредерику, что думает маг об этой идее. Взамен он протянул пригласительный билет.

– Вы покажете это швейцару, заплатите свои пять гиней и войдете с другими гостями, – сказал он. – Разумеется, вечерний костюм... Вы просто... просто осмотритесь. Понаблюдайте за гостями. Устройтесь так, чтобы я мог легко вас увидеть. Я найду способ дать вам знать, кто он, если он там будет. Я не знаю, явится он или нет. Но если вы его увидите, выясните, кто он такой, – впрочем, не мне вас учить, что делать.

– Выглядит все достаточно несложно, – сказал Фредерик. – Тут только одна ошибка: пять гиней, которые я там заплачу, будут ваши, а не мои.

– Само собой, – нетерпеливо ответил Макиннон. – Это понятно. Словом, вы там будете. Я полагаюсь на вас.

Если вы зайдете в студию на Бёртон-стрит и пожелаете сняться для портрета, фотографировать вас будет, вероятней всего, смуглый, крепкого телосложения молодой мужчина, Чарльз Бертрам, которого Вебстер Гарланд ценил очень высоко. Чарльз обладал воображением, был прекрасным фотографом, и портреты, им выполненные, передавали движение, атмосферу реальной жизни. Чарльз Бертрам, со своей стороны, как и Салли, имел вескую причину ценить непринужденную богемную демократию Гарландов: дело в том, что его отец был бароном и сам он соответственно имел титул почтенного, так что был обречен навсегда остаться аристократом-дилетантом – если бы не встретился с Вебстером. Но в обществе художников и мастеров своего дела ценились только способности, а у Чарльза Бертрама их было предостаточно. Таким образом, он нашел свое место в почтенной компании Джима, рабочего сцены, Фредерика, детектива, Вебстера, гения, и – иногда – Салли, консультанта по финансовым вопросам.

Конечно, он трудился здесь вовсе не ради практики, дабы стать профессиональным фотографом. Делать портреты за два шиллинга и шесть пенсов – для почтенного не слишком высокая цель. Он и Вебстер работали над идеей, куда более амбициозной: они мечтали ни много ни мало запечатлеть на фотографической пластинке движение как таковое. Чарльз вложил в дело некоторое количество своих денег, и они построили во дворе за магазином более просторную студию, готовясь к тому времени, когда их эксперименты потребуют больше места. А пока Чарльз помогал Гарландам и в магазине, и в любых, самых разнообразных делах, как только они возникали, – в это утро, например, он вставлял новый объектив в главную студийную фотокамеру.

Фредерик сидел на кухне, наскоро записывал свои соображения о Макинноне и Нелли Бад и раздумывал о том, действительно ли эти два случая связаны между собой, как подозревал Джим; вдруг Чарльз просунул голову в дверь и окликнул его:

– Фред!

– Привет, Чарли! Ты что-нибудь знаешь о спиритизме?

– Слава богу, нет. Послушай, ты не сможешь мне с новым объективом? Кто-нибудь должен там встать напротив и...

– С удовольствием. А потом и ты можешь кое-что сделать для меня, – сказал Фредерик, идя вместе с ним в захлавленную, с тяжелыми портьерами комнату, которая служила студией.

Когда Чарльз закончил свою работу, Фредерик рассказал ему, какую задачу он должен выполнить в этот вечер для Макиннона.

– Похоже, нудный и увертливый тип, – сказал Чарльз. – Я сам его видел неделю-две назад в «Британии». Джим посоветовал мне пойти. Потрясающее мастерство... Кто-то его преследует, говоришь?

– Так он говорит.

– Наверное, Мефистофель. Макиннон продал свою душу, и Сатана явился потребовать ее.

– Меня бы это не удивило. Но, видишь ли, Чарли, ты всех этих людей знаешь – лорд Этакий, графиня Такая-то... Не мог бы ты пойти со мной и показать мне, кто есть кто? Отправь меня на скачки или в опиумный притон, и я сразу пойму, что там к чему, но высшие классы Англии для меня закрытая книга. Ты вечером занят?

– Нет. Я с удовольствием пошел бы. Думаешь, там может дойти до скандала? Взять мне пистолет?

Фредерик засмеялся.

– Тебе лучше знать обычаи твоих пэров, мой мальчик, – сказал он, – Если на благотворительных собраниях это обычное дело, тогда тебе лучше подготовиться. Но имей в виду, если там начнут швыряться стульями, я мигом ретируюсь... Макиннону я так и сказал.

Когда Фредерик и Чарльз явились в дом леди Харборо на Беркли-сквер, там было полно гостей. Они предъявили пригласительный билет лакею, заплатили за вход и были препровождены в чересчур жарко натопленный салон, где яркий свет газовых рожков и канделябров сверкал и переливался на драгоценностях, украшавших дам, и накрахмаленных манишках мужчин. Двустворчатые двери открывались в бальный зал, где небольшой оркестр, укрытый за карликовыми пальмами в горшках, негромко наигрывал вальсы, почти заглушаемые гомоном самоуверенных аристократических голосов.

Чарльз и Фредерик остановились у входа в бальный зал и взяли у лакея по бокалу шампанского.

– Кто из них леди Харборо? – сказал Фредерик. – Думаю, мне следует знать ее.

– Старая выдра с лорнеткой, – сказал Чарльз, – Вон там, у камина, разговаривает с леди Уитхем. Интересно, здесь ли ее дочь? Она изумительна.

– Чья дочь?

– Уитхема. Того, что беседует с сэром Эшли Хейуордом, играет на скачках.

– Ну да, Хейурда я знаю. В лицо знаю то есть. Я выиграл десять фунтов на его лошади Гренди в прошлом году. Итак, это лорд Уитхем? Член кабинета министров?

Лорд Уитхем был высокий седовласый мужчина; казалось, он страшно нервничает; его глаза беспокойно бегали по сторонам, он непрерывно жевал губами и то и дело, прикрывая рукой рот, грыз палец; он был похож на голодную собаку.

Возле леди Харборо сидела тихая девушка, Чарльз сказал Фредерику, что это и есть леди Мэри Уитхем. Ее окружала группа молодых шумных людей, и она вежливо им улыбалась, но в основном сидела молча, опустив глаза и сложив на коленях руки. Как и сказал Чарльз, она была прекрасна, хотя Фредерик, у которого при виде ее перехватило горло, подумал, что слово «прекрасна» мало что о ней говорило. Девушка была невыразимо очаровательна, грациозна, скромна, с нежно-коралловой кожей, ему хотелось бы схватить в руки камеру, и он понимал при этом, что никакая фотокамера не передаст цвет ее щек и нервно-чувственно напряженную линию шеи и плеч.

Впрочем, Вебстер, может быть, и сумел бы. Или Чарльз.

Странная, однако, семья, думал он. На лицах отца и дочери было написано сдержанное отчаяние. Леди Уитхем тоже выглядела затравленной; она была скорее мила, нежели прекрасна, как дочь, но ее темные озабоченные глаза были столь же трагичны.

– Расскажи мне о Уитхемах, – попросил Фредерик Чарльза.

– Ну, значит, так: седьмой граф, имения где-то на шотландской границе, министр торговли – по крайней мере был им, но думаю, Дизраэли⁵ уже вытолкнул его из кабинета министров. Леди Мэри его единственное дитя; о родственниках жены мало что знаю. По правде сказать, это вообще все, что я о них знаю. Он здесь не единственный политик. Смотри, вон там и Хартингтон...

Чарльз назвал еще с полдюжины имен, каждое из которых вполне могло, на взгляд Фредерика, принадлежать преследователю Макиннона. Но он вдруг осознал, что глаза против воли все чаще и чаще обращаются к стройной, покойной фигурке леди Мэри Уитхем, сидевшей на софе у камина в белом вечернем платье.

У них еще хватило времени осушить по второму бокалу шампанского, и тут объявили о начале представления. Через раскрытые двери в зал можно было видеть расставленные широким полукругом, в несколько рядов, легкие кресла, обращенные к небольшой сцене. Задником служил бархатный занавес, авансцену обрамляли папоротники и карликовые пальмы.

Оркестр удалился, но пианист остался у инструмента, стоявшего ниже сцены. Публике хватило пяти-шести минут, чтобы разместиться в зале. Фредерик убедился в том, что он и Чарльз сидят достаточно близко к сцене, чтобы Макиннон мог их хорошо видеть, но при этом ничто не помешало бы им при необходимости оказаться у дверей. Он обратил на это внимание Чарльза. Тот рассмеялся.

– Твои приготовления напоминают анекдоты Джима, – сказал он, – Сейчас появятся Попрыгунчик Джек или Дубина Дик, захватят нас всех и потребуют денег. Чего ты, собственно, ожидаешь?

– Понятия не имею, – ответил Фредерик, – Так же как и Макиннон, половина проблемы как раз в этом. Смотри, вот и наша хозяйка.

Леди Харборо, которую слуги заверили, что все гости уселись, вышла на сцену и в короткой речи обрисовала важную деятельность ее больничного фонда. Состояла она главным образом в том, чтобы спасти безмужних матерей от бедности, обращая их фактически в рабство да еще подвергая дополнительным неприятностям в виде ежедневных наставлений священников-евангелистов.

Впрочем, речь и в самом деле оказалась недлинной. Леди Харборо помогли спуститься со сцены. Пианист занял свое место, раскрыл ноты и сыграл несколько зловещих арпеджио в басовом ключе. Занавес раздвинули, и появился Макиннон.

Он совершенно преобразился. Джим описывал это, но Фредерик ему не очень поверил; сейчас он изумленно моргал глазами: хитрый, увертливый человек, каким он его знал,

⁵ Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – премьер-министр Великобритании.

вдруг превратился в значительную, властную фигуру. Известково-белый грим, эксцентричный на первый взгляд, в действительности же истинный шедевр, так как позволял артисту в разное время быть то зловещим, то комичным, то умоляющим: голым черепом, клоуном, Пьеро.

Внешний вид Макиннона был важной частью всего действия. Он не просто показывал фокусы, как обычные фокусники; да, он тоже превращал цветы в чашу с золотыми рыбками, выхватывал карты прямо из воздуха, у всех на глазах исчезали массивные серебряные подсвечники – но эти трюки были лишь подготовкой к заключительной части его представления, а именно – к сотворению мира. В этом мире все было непрочно, изменчиво; индивидуальности сливались и разделялись, привычные качества, как, например, жесткое и мягкое, верх и низ, горе и радость, в мгновение ока менялись местами и теряли смысл, и единственным надежным гидом была подозрительность, единственной постоянной темой – недоверие.

Это был мир, думал Фредерик, напоминавший, пожалуй, некое царство дьявола, ибо представление Макиннона не дарило радости, в нем не было ничего похожего на невинную игру. Фредерик гнал от себя пришедшую в голову мысль (неужели и он становится суеверным?), но она явилась сама: Макиннон сгустил мрак, накрыл мир тенью, хотя при свете все это могло показаться просто смешным.

Вдруг Макиннон объявил, что для следующего номера должен позаимствовать у кого-нибудь из публики часы. Сказав это, он посмотрел прямо на Фредерика, и его темные, мрачные глаза полыхнули огнем; Фредерик понял мгновенно, отстегнул цепочку от жилетного кармана и протянул часы фокуснику. Еще полдюжины рук тянулись к нему с часами, но Макиннон грациозно спустился со сцены и мгновенно очутился рядом с Фредериком.

– Благодарю вас, сэр, – сказал он громко, – Вот человек, который верит в благосклонность мира чудес! Знает ли он, какие ужасные превращения произойдут с его часами? Нет! Что, если они вернуться к нему, например, в виде хризантемы? Или копченой селедки? Или грудой пружинки и винтиков? Здесь происходили странные вещи! – И тут Фредерик, еще того не осознав, услышал шепот: – Возле двери. Только что вошел.

В следующую секунду Макиннон уже был на сцене и заворачивал часы в шелковый платок, сопровождая свои действия цветистой декламацией. Показалось ли Фредерику, что в голосе Макиннона зазвучали истерические ноты? Что говорил он теперь быстрее, а жесты стали более экзальтированными, менее точными... Фредерик, стараясь не привлекать внимания, обернулся и взглянул на человека, о котором сказал Макиннон.

У самого входа в зал сидел крупный, мощного сложения мужчина с гладкими светлыми волосами. Он смотрел на сцену бесстрастными, широко расставленными глазами; одна его рука лежала на спинке соседнего свободного кресла, и весь он был олицетворением настоятельности и власти. Несмотря на его безукоризненный вечерний костюм, в нем проглядывало что-то звериное. Или нет, подумал Фредерик, не звериное, ведь звери одушевленные существа; этот же человек был автоматом.

Но откуда такая мысль?

Поймав себя на том, что смотрит на него в упор, Фредерик опять повернулся к сцене. Макиннон совершал какие-то сложные манипуляции с часами, но мысленно был далеко – Фредерик видел, что его руки дрожали, когда он, вытянув руки над столиком, пропускал платок между пальцев взад-вперед, видел также, что его глаза устремлены на человека у двери.

Фредерик повернулся на кресле боком, вытянул и скрестил ноги, словно хотел просто усесться поудобнее. Теперь он мог держать в поле зрения одновременно Макиннона и человека у двери; последний едва заметно пальцем поманил лакея. Лакей пригнулся, слушая блондина, а он опять взглянул на Макиннона и вроде бы что-то сказал о нем лакею. Фредерик знал, что Макиннон тоже видел это, и, когда лакей, кивнув, вышел, заметил, что фокус-

ник пошатнулся. Теперь, по-видимому, в зале оставалось лишь три человека, которые имели значение: блондин возле дверей, Макиннон и Фредерик, наблюдавший эту необыкновенную дуэль: здесь столкнулись в поединке две силы воли.

Публика уже понимала: что-то не так. Макиннон словно застыл, платок в его руке вяло висел над столом, лицо стало ужасным, призрачным; вдруг он совсем выпустил платок из рук и, пошатываясь, отступил назад.

Музыка смолкла. Пианист растерянно поднял глаза. Макиннон стоял, держась за занавес в наэлектризованной тишине, и наконец с трудом выговорил:

– Прошу прощения... мне дурно... вынужден покинуть сцену...

Отвернув занавес, он скрылся.

Публика была слишком воспитанная, чтобы реагировать бурно, однако комментарии посыпались градом. Пианист по собственной инициативе стал наигрывать легкие вальсы, леди Харборо поднялась со своего кресла в первом ряду и шепотом совещалась с пожилым господином, возможно, это был ее муж.

Фредерик сидел, постукивая пальцами по подлокотнику, и наконец принял решение.

– Чарли, – сказал он спокойно, – вон тот парень у двери, крупный блондин. Разведай, кто он такой. Сможешь? Имя, положение, чем занимается – словом, все что удастся.

Чарльз кивнул:

– Но что ты...

– Я собираюсь проследить за ним, – ответил Фредерик.

Он встал и пробрался к леди Харборо. Она стояла у фортепьяно рядом с пожилым джентльменом; казалось, она отчитывала лакея. Гости, по крайней мере большинство из них, вежливо смотрели в сторону и беседовали друг с другом так, как будто ничего необычного не случилось.

– Простите, миледи, – сказал Фредерик, – Не хочу прерывать вашу беседу, но я врач, и если мистер Макиннон плохо себя чувствует, возможно, мне следовало бы попытаться оказать ему помощь.

– О! Какое облегчение! – воскликнула она, – Я как раз собиралась послать за доктором. Пожалуйста, идите к нему, лакей вас проводит, доктор...

– Гарланд, – сказал Фредерик.

Чопорный туповатый лакей в напудренном парике и белых чулках равнодушно моргнул и едва заметно склонил голову. Покидая вслед за ним бальный зал, Фредерик услышал голос леди Харборо, распорядившейся вернуть оркестр, и увидел Чарльза Бертрама, который беседовал с кем-то, обернувшись назад.

Лакей провел Фредерика через холл, затем по коридору к двери рядом с библиотекой.

– Мистер Макиннон здесь переодевался, сэр, – сказал он.

Лакей постучал в дверь, но никто не ответил. Фредерик, обойдя его, повернул дверную ручку. Комната была пуста.

– В холле был лакей? – спросил Фредерик.

– Да, сэр.

– Ступайте и спросите его, видел ли он мистера Макиннона, когда тот выходил из зала?

– Сию минуту, сэр. Но он шел бы сюда не этим путем, если позволите заметить, сэр.

Скорее всего, он прошел через гостиную, потому как удалился со сцены через заднюю дверь, так оно и было, сэр.

– Да-да, понимаю. Но если мистер Макиннон пожелал выйти на улицу подышать, тогда он должен был пройти через холл, не так ли?

– Позвольте заметить, сэр, должно быть, он так и сделал, сэр. Значит, я пойду и спрошу?

– Да, ступайте.

Когда лакей удалился, Фредерик быстро оглядел комнату. Это была маленькая гостиная, освещенная газовой лампой, огонек ее ярко отражался на изразцах; плащ и шляпа Макиннона были брошены на спинку кресла, придвинутого к камину. У стола – открытая плетеная корзина, на столе перед ручным зеркальцем – жестяная коробочка с гримом... но самого Макиннона в комнате не было.

Через одну-две минуты постучался лакей.

– Похоже, вы были правы, сэр, – сказал он, – Мистер Макиннон подбежал к парадной двери и сразу выскочил на улицу.

– Думаю, он вернется, как только почувствует себя лучше, – сказал Фредерик, – Ну что ж, больше здесь делать нечего. Проводите меня, пожалуйста, обратно.

В бальном зале слуги отодвигали стулья, оркестр вернулся на сцену. Лакеи сновали взад-вперед среди гостей, предлагая шампанское; все выглядело так, словно время на час отскочило назад и Макиннон даже не начинал выступления.

Фредерик огляделся, ища глазами блондина, но его нигде не было видно. Не было и Чарльза. Фредерик взял бокал у ближайшего лакея и стал прохаживаться по залу, приглядываясь к гостям. «Какая бесцветная компания, – думал он, – Все на одно лицо, вежливые, высокомерные... Кстати, который час?» И тут он вспомнил, что его часы остались у Макиннона. Если это вообще еще были часы, а не заяц или крикетная бита, мрачно усмехнулся он.

Вдруг он увидел леди Мэри Уитхем и остановился полюбоваться ею. Она сидела недалеко от фортепьяно, ее мать стояла с ней рядом. Обе любезно улыбались кому-то, кого Фредерику было плохо видно, так как между ними оказалась пальма. Он чуть-чуть передвинулся и, снова глянув в ту сторону, узнал блондина.

Он сидел напротив двух дам, спиной к Фредерику, и вел непринужденный разговор. Фредерик не мог его слышать, но подойти ближе не захотел, считая, что и так уже слишком раскрыл себя. Делая вид, что слушает музыку, и покачивая иногда в такт головой, он наблюдал за леди Мэри. Лицо ее омрачала тень того же отчаяния, которое он заметил прежде в ее глазах; она вообще не участвовала в разговоре: когда какая-то реплика требовала ответа, это делала за нее ее мать. Леди Мэри только слушала, но как бы по обязанности и время от времени бросала быстрый взгляд по сторонам. Фредерику она показалась совсем юной; иногда ей нельзя было дать больше пятнадцати.

Наконец блондин встал. Он поклонился обеим дамам, взял руку, неуверенно протянутую ему леди Мэри, и поцеловал. Она вспыхнула, но вежливо улыбнулась, прощаясь.

Фредерик вскользь бросил взгляд на проходившего мимо него мужчину. Он ощутил огромную физическую силу, ту плавно накатывающую мощь, с какой огромная масса воды устремляется в шлюз, еще раз отметил его блеклые волосы и выпуклые серо-голубые глаза.

Фредерик решил было следовать за ним, однако тут же отбросил эту мысль; у такого типа не могло не быть своей кареты, так что, пока Фредерик нашел бы кеб, карета давно уже скрылась бы из глаз. В эту минуту к нему как раз подошел Чарльз Бертрам.

– Нашел Макиннона? – спросил Чарльз.

– Нет. Он попросту испарился, – сказал Фредерик, – Но ничего, вернется. И лучше бы ему вернуться, черт возьми: я желаю получить обратно свои часы. Ну а что насчет этого типа с блеклыми волосами? Он только что флиртовал здесь с леди Мэри Уитхем.

– Сейчас? Вот как! – воскликнул Чарльз, – Любопытно. Я тут слышал кое-какие сплетни насчет самого Уитхема – похоже, старина на грани банкротства. Я не знаю, насколько это верно, понимаешь. А этот твой блондин финансист – какая-то шишка в железнодорожном деле, шахтах и спичках. Швед. Фамилия Беллман.

Глава седьмая

Странное предложение

На следующее утро, прежде чем Фредерику удалось рассказать ей о том, каким образом Макиннот связан с интересующим ее делом, Салли, придя в свой офис, обнаружила, что ее дожидается клиент.

По крайней мере, она подумала, что это клиент. Клиент, назвавшийся Уиндлсхэмом, был маленького роста, с мягкими манерами, носил очки в золотой оправе; он терпеливо ждал, пока Салли усаживала Чаку и снимала пальто и шляпку. Затем последовал сюрприз.

– Я представляю мистера Акселя Беллмана, – сказал он, – Полагаю, это имя вам известно.

Она медленно опустилась в кресло. Что бы это значило?

– До мистера Беллмана дошли сведения, – продолжал он, – что вы настойчиво и явно недоброжелательно наводите справки, касающиеся его дел. Он человек занятой, с многочисленными и весьма важными интересами и обязательствами, поэтому столь беспочвенные, основанные на плохой информации слухи, которые, в частности, пытаетесь распространять вы, при всей их мелочности, могут вызвать лишь досаду и неудобство. Дабы избавить вас от неприятностей формальной переписки, а также огорчений из-за судебного преследования, мистер Беллман послал меня к вам с тем, чтобы лично сообщить вам о его неудовольствии, в надежде, что вы отнесетесь к этому с пониманием и согласитесь, что весьма неумно следовать заведомо безнадежным путем, который вы избрали.

Он сложил руки и ласково ей улыбнулся.

У Салли бешено колотилось сердце. Ей пришло в голову только одно:

– Вы выучили все это наизусть? Или придумали по дороге?

Улыбка стерлась с его лица.

– Вероятно, вы не поняли, – сказал он, – Мистер Беллман...

– Я все отлично поняла. Мистер Беллман испуган и желает испугать меня. Ну так вот, мистер Уиндлсхэм, я не намерена пугаться. У меня есть особая причина проводить расследование, и, пока я не буду удовлетворена, я его продолжу. А что вы подразумеваете под судебным преследованием?

Он опять улыбался.

– Вы слишком умны, чтобы допустить, будто я расскажу вам это на данной стадии. Решать, нужно ли применять упомянутое оружие или не стоит, будет мистер Беллман, когда я передам ему ваш ответ.

– Скажите, – спросила она, – какова ваша роль в компании мистера Беллмана?

Казалось, этот вопрос его несколько заинтересовал.

– Я личный секретарь мистера Беллмана, – сказал он, – А почему вы спрашиваете?

– Из любопытства. Что ж, вы мне кое-что рассказали, мистер Уиндлсхэм. Я знаю теперь, что иду верным путем. Интересно, что именно так обеспокоило мистера Беллмана? Быть может, это «Ингрид Линде»?

Выстрел был сделан наугад, но он попал в цель. Мистер Уиндлсхэм глубоко вздохнул, и его лоб перерезала морщина.

– Я действительно хотел бы посоветовать вам быть осторожнее, – назидательно заговорил он, – Человек, не имеющий опыта, очень легко может наделать множество серьезных ошибок, интерпретируя совершенно невинные факты. Будь я на вашем месте, мисс Локхарт, я бы оставался только финансовым консультантом, уверяю вас. И позвольте мне как частному лицу сказать, – проговорил он, вставая и беря шляпу и трость, – как я восхищаюсь

вами за то, что вы избрали такой род деятельности! Я всегда с самым пылким и сочувственным интересом относился к женскому вопросу. Оставайтесь тем, кто вы есть сейчас, мисс Локхарт. Я желаю вам всяческих успехов. Но не позволяйте вашему воображению заводить вас слишком далеко.

Он прощальным жестом поднял вверх свою трость. Чака, не поняв его, вскинулся и зарычал, однако ласковый коротышка не дрогнул.

«Итак, – подумала Салли, – он заволновался. Что же мне теперь следует делать?»

А сделала она вот что: как только Уиндлсхэм ушел, она, надев пальто и шляпку, отправилась в контору своего друга, адвоката мистера Темпла.

Мистер Темпл был ироничный старый джентльмен, который постоянно жил в слабом благоухании чопорности, кекса с тмином и нюхательного табака. Он был поверенным ее отца и поддержал ее, когда капитана Локхарта убили – это случилось шесть лет назад. Салли произвела на него такое впечатление своим знанием фондовой биржи, а также хваткой в финансовых делах, что он преодолел старомодные предрассудки и помог ей сперва стать партнером Вебстера Гарланда, а затем создать собственную фирму.

Она коротко рассказала ему подоплеку своего нового дела и описала утренний визит мистера Уиндлсхэма.

– Салли, – сказал он, когда она закончила, – ты будешь осторожна, обещаешь?

– Это же сказал и он. Я думала, что от вас услышу что-то более оригинальное.

Он засмеялся и побарабанил пальцами по шкатулке с табаком.

– Великая сила закона, – сказал он, – состоит в том, что в нем, слава богу, так мало оригинального. Скажи мне, что ты хочешь знать о «Полярной звезде»?

Салли кратко изложила все то немногое, что она знала. Однако о Нелли Бад не упомянула. Она полагала, что мистеру Темплу вряд ли покажутся убедительными разоблачения из мира духов. Она даже не была уверена, что они убедительны для нее самой.

– Я не знаю, идет ли речь о фабриках, о шахтах или о чем-то еще, – сказала она в заключение, – Есть какая-то связь с фирмой, производящей химикалии, но это все, что я знаю. Как вы думаете, по какой причине они хотели бы держать это в тайне?

– Химикалии, – проговорил он задумчиво, – Все это дурно пахнет, Салли... они просачиваются в почву, отравляют воду и... Он все еще занимается спичками?

– Нет. Шведское правительство провело расследование, и его фабрику закрыли; но потом выяснилось, что он ее продал годом раньше, так что не был привлечен к ответственности.

– Ну хорошо, вот что я тебе расскажу. Пару дней назад мне случайно довелось услышать название «Полярная звезда» совсем в другом контексте. В моем клубе говорили что-то о кооперативных обществах, профсоюзах и так далее, и кто-то упомянул о нескольких новых фирмах, внезапно возникших в Ланкашире и весьма странным образом организованных, – я, по правде сказать, не прислушивался к разговору, не затем я хожу в клуб, чтобы слушать лекции по социологии, – но суть состояла в том, что некая фирма была создана с тем, чтобы жизнь ее рабочих была регламентирована до мельчайших деталей. Как у Роберта Оуэна. Полный контроль, понимаешь? Мне это показалось отвратительным. А теперь главное: эта фирма называлась «Полярная звезда».

Салли выпрямилась в кресле и улыбнулась.

– Наконец! – воскликнула она.

– Прошу прощения?

– Ключ! Чем занимается эта фирма?

– А этого он не знал. Думал, что-то связанное с железными дорогами... Ну, как насчет стаканчика хереса?

Она согласилась и, пока он разливал херес, молча смотрела на легкие завихрения вполне законной пыли, игравшей в солнечном луче. Мистер Темпл был старым другом, она много раз обедала в его доме, но до сих пор чувствовала себя немного скованной, когда они переставали говорить о делах. Все, что другие молодые женщины делали так легко – непринужденно болтали, грациозно танцевали, флиртовали с незнакомым мужчиной за обедом, при этом безошибочно беря в руки «правильные» нож и вилку, – было ей трудно, она все еще смущалась и делалась неловкой, помня о былых унижительных провалах. Вдали от своих балансовых ведомостей и папок она бывала по-настоящему свободной и действительно самой собой в веселом беспорядочном доме Гарландов. Здесь же она сразу теряла дар речи и сейчас молча сидела, потягивая светло-коричневый нектар, пока он просматривал принесенные ею бумаги.

– Норденфельс... – пробормотал мистер Темпл, – Кто он такой? Его имя возникает здесь несколько раз.

– А... У Беллмана был партнер, Норденфельс, он был конструктор, инженер. Я только вчера наткнулась на статью в «Журнале Королевского общества инженеров», где упоминалось его имя. Он изобрел, кажется, новый вид предохранительного клапана; он работал при высоких температурах, или при высоком давлении, или что-то там еще. Я должна разобраться в этом детальнее. Но он исчез – я имею в виду Норденфельса – года три-четыре тому назад. Возможно, они разделили компанию. Но у меня в отношении его такое чувство...

– Хм, – фыркнул мистер Темпл, – На твоём месте, я отставил бы чувства в сторону. Давай лучше разберемся с фактами и действующими лицами. Ты нашла на след чего-то, связанного с фирмой «Англо-Балт», – это несомненно. Страховку «Ингрид Линде» проверила?

– Вон тот желтый лист – там все в порядке. Никакого мошенничества со страховкой, – Салли добавила после паузы: – Мистер Уиндлсхэм упомянул о судебном преследовании. Он мог иметь в виду судебный запрет на деятельность?

– Весьма сомневаюсь. Суд должен быть удовлетворен тем, что, во-первых, жалобу истца, расценившего твою деятельность как неправильную по существу, ты оспоришь, а во-вторых, что средства, тобой используемые, не направлены на нанесение ущерба.

– Значит, судебное преследование – блеф?

– Думаю, да. Но существуют и другие способы навредить тебе, дорогая моя, кроме вызова в суд, вот почему я повторяю: будь осторожна.

– Хорошо, буду. Но не перестану разбираться в его делишках. Он замышляет что-то дурное, мистер Темпл. Я знаю, что это так.

– Вполне возможно, ты права. А теперь не хочу тебя задерживать, однако послушай... приходил тут некий мистер О'Коннор, который унаследовал тысячу фунтов. Может, я направлю его к тебе и ты посоветуешь ему, как превратить их во что-то более весомое?

В это же самое время в финансовом сердце Сити бывший член кабинета министров лорд Уитхем сидел в коридоре внушительного офиса, непрерывно барабанил пальцами по своему шелковому цилиндру и вставая каждый раз, когда из-за угла или из-за двери появлялся клерк.

Лорд Уитхем был хорош собой, с красивыми оленьими глазами, это была та изысканная мужская красота, которую мы видим нынче только на фотографиях мужчин-моделей среднего возраста. Когда Фредерик увидел его накануне вечером, он сразу же подумал, что лорда Уитхема снедает тревога; но если бы они повстречались сегодня, это впечатление лишь усилилось бы. Пальцы лорда выбивали быструю дробь. Его темные глаза окаймляли красные веки, седые жеванные усы были в полном беспорядке. Он ни минуты не мог сидеть спокойно. Если никто в коридоре не показывался, он все равно вскакивал и стоял перед какой-нибудь

гравюрой, уставясь на нее невидящими глазами, или смотрел то в окно, выходящее на Треднидл-стрит, то вниз, на мраморную лестницу.

Наконец дверь открылась, на пороге показался клерк.

– Мистер Беллман примет вас сейчас, милорд, – сказал он.

Лорд Уитхем схватил со стула шелковый цилиндр, взял трость и последовал за клерком через приемную в просторный, заново обставленный кабинет. Аксель Беллман встал из-за стола и, протягивая руку, пошел навстречу.

– Рад видеть вас, Уитхем, – сказал он, жестом приглашая сесть в кресло. – Странный вечер был у леди Харборо, не правда ли?

Голос у него был низкий и почти монотонный, лицо гладкое, волосы грубые и прямые. Ему можно было дать и тридцать, и шестьдесят лет. Как и его офис, он казался продуктом фабричного производства; Беллман был большой, гладкий и тяжелый, но это была гладкость стальной машины, а не мягкой плоти. Его выпуклые глаза смотрели в упор, приводя в замешательство. Они никак не отражали его настроение, склонности, характер, они редко мигали и все-таки не казались мертвыми; напротив, они были насыщены электричеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.